

Гело Никамрубис

Крики прошлого

Часть I

УЧАСТНИК ФЕСТИВАЛЯ
«КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ - 2018»

Гело Никамрубис
Крики прошлого. Часть I

«Издательские решения»

Никамрубис Г.

Крики прошлого. Часть I / Г. Никамрубис — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830181-0

Шекспировская трагедия, перенесенная в реалии современной России. История Виктора Кротова, наивного молодого человека из богатой семьи, который с радостью принял приглашение своего нового знакомого отправиться с ним в «элитный» московский клуб. История Бориса Двардова, могущественного олигарха, который сделал месть смыслом своей жизни. Тайны прошлого открываются в этом полном мистики и загадок романе-лабиринте. Сможет ли главный герой пройти все испытания и избежать карающего меча судьбы? 21+

ISBN 978-5-44-830181-0

© Никамрубис Г.
© Издательские решения

Содержание

Глава I Мария	6
Глава II Воспоминания	14
Глава III Вечеринка	25
Глава IV Филипп	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Крики прошлого Часть I

Гело Никамрубис

Иллюстратор KseniaHarlequin

Корректор Анастасия Евгеньевна Калашникова

© Гело Никамрубис, 2018

© KseniaHarlequin, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4483-0181-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I Мария

Пустота... Пустота, заполняющая, умиротворяющая сознание, убивающая всякое подобие оптимизма... Пустота души, она намного страшнее пустоты материальной, ибо святые отшельники и в пустыне находили свое счастье. Ведь в пустыне они могли держать свои страхи в узде, да и не было у них страха, так как они там оказались сами и по своей воле. Это их выбор, для нас, людей обычных, весьма странный, и желания их нам не ясны. Нам не ведомо, что в этом уединении они черпают свое счастье, свое просвещение и цель. Смысл живет в их голове, сознание – в их душе, и пустоте просто нет места. Другое дело, когда человек бьется как рыба об лед, пытаясь хоть что-либо сделать, хоть что-то исправить и найти в своей пустынной душе спасительный оазис. Старается, и вот он уже видит его, почти может потрогать, но это снова мираж. После таких провалов бывает, человек ломается, и ему уже не нужен оазис, ему найти хотя бы глоток воды и сохранить его до конца своих серых дней. Конечно, в итоге он его находит, и ему большего не нужно. За этот глоток человек держится, сражается и не хочет ничего менять, ведь, увидев очередной фонтан свежей, прохладной воды, окруженный чудесными пальмами, он уверен, что это очередной мираж, лишь злая шутка над ним. Но бывает еще хуже. Бывает, в душе человека гармония, и он уже познал счастье, своими стараниями, страданиями заслужил его, но жизнь просто выжигает весь его личный мир, превращая его в пустыню. Каждый раз, шаг за шагом, год за годом, уничтожая и пресекая всякую веру в лучшую жизнь. Вот тогда, уже вкусив жизнь, будучи искушенным и всего лишившимся, можно лишиться и рассудка. Так и с нашим героем Виктором Романовичем Кротовым. Однако он все же еще держался, ведь понимал, что все не просто так. Что есть на нем вина и он сам творец своей пустыни. Он пытался все смиренно стерпеть, выстоять, но силы его были на пределе. Все от того, что не понимал, почему за его грехи должны нести ответ близкие. А когда нет четкого понимания происходящего, тогда, и как жить, становится неясно. Но не все так плохо, как уже было сказано, герой наш искушен счастьем, и причем счастьем многогранным: у него было завидное детство, в котором родные ему ни в чем не отказывали, замечательная любящая жена, дети-умницы, крайне успешный бизнес и уважительное положение в обществе. Но однажды он круто оступился и начал терять свое богатство, свое сокровище шаг за шагом. Стоило ему однажды ошибиться, как судьба начала с него требовать сполна. И сейчас страдания его подходили к кульминации, ведь он сидел в больнице рядом со своим умирающим последним сыном. Тяжким грузом вина сдавливала плечи, разрывала сердце и убивало душу.

«Ну сколько ты еще будешь меня мучать?! Хочется спросить: „За что?“ – но я-то знаю... но не понимаю, почему они? Их-то за что? Почему не я!?» – думал про себя Виктор, обращаясь к Богу, в которого он особо никогда и не верил.

– Вы уже два дня не спали, Вам нужно отдохнуть, – прервала унылый ход мыслей миниатюрная медсестра, стоящая в паре шагов от больничной койки.

– Я, нет. Я не хочу, спасибо, – неуверенно и как-то рассеянно ответил мужчина.

– Поверьте, мы все следим за его состоянием, и как только будут какие-нибудь изменения, мы Вам сразу же сообщим.

– И все же я хотел бы остаться. Один.

– Извините, но ему не станет лучше, если Вы ляжете рядом с ним от бессилия, – не отступала девушка.

Виктор не ответил. Будто и вовсе её не слышал.

– Может, Вы тогда хотя бы подкрепитесь? Я как раз собираюсь сделать чаю. У меня и пряники есть, – улыбувшись добродушно, все продолжала она стоять на своем.

– Да, спасибо, от кружки горячего я не откажусь. Вы очень добры... Извините, а как Вас зовут?

– Мария, можно просто Маша, – все с той же улыбкой говорила девушка.

– Меня Виктор Романович, просто Виктор.

– Очень приятно познакомиться.

– Мне тоже, хотя ситуация сейчас не из лучших...

– Все будет хорошо. То, что он выжил, – просто чудо, а чудеса просто так не случаются. Уверяю Вас, скоро он пойдет на поправку. А теперь пойдёмте со мной в ординаторскую, выпьем чаю, и, если Вы хотите поговорить, буду рада Вас выслушать, – с этими словами девушка сделала шаг в сторону выхода и жестом позвала мужчину за собой. Не сдвинувшись с места, Виктор ответил:

– Не хочу Вас обидеть, но у меня нет настроения разговаривать с кем-либо.

– Да бросьте Вы, – очень мягко ответила Маша. – За эти двое суток Вы один находились в палате, и быть не может, чтобы Вы не хотели с кем-то поделиться своими переживаниями, волнениями... страхами. За меня не беспокойтесь, я очень серьезно отношусь к таким вещам и хорошо умею хранить секреты. Я просто хочу Вам помочь.

«Помочь» – эхом отозвалось в голове Виктора, словно бальзам по душе. Медленно поднимаясь с маленького стульчика, он на миг почувствовал слабость и был готов рассказать незнакомой медсестре все, о чем только знал. Она попала в точку, сказав, что ему нужно с кем-то поговорить. Виктору это было необходимо, или он просто сломается и сойдет с ума. Когда он в последний раз разговаривал с кем-нибудь, кроме Филиппа да старого наставника Геннадия по душам, вспомнить был не в состоянии. Месяц назад, два, год... они мужчины, а у мужчин не принято плакать друг перед другом. Даже когда сильно хочется. К тому же, как говорят, перед незнакомцами куда проще раскрыть свою душу, ведь незнакомец видит и знает тебя именно таким, каким ты являешься в данный момент, и нет смысла пытаться быть другим.

Шли до ординаторской молча, и Виктор размышлял: «А ведь и вправду, такая простая и обыденная мелочь, как беседа с человеком, может спасти от безумия. Того безумия, что так жаждет принять меня в свои объятия, поглотить меня целиком и избавить от боли и моих страданий...». Дойдя до ординаторской, Виктор попытался выкинуть из головы жалостливые мысли. Они ему не нужны, и он их просто презирал. Как, собственно, и себя в такие моменты. Войдя внутрь, Мария по-хозяйски усадила мужчину за маленький журнальный столик и принялась заваривать чай.

– Вы с сахаром пьете? – разливая напиток, спросила Мария.

– Да, две ложки, пожалуйста, – в пустоту ответил мужчина, до конца не понимая, почему он все-таки сюда пришел.

– Так что насчет пряников?

– Что? А, нет, спасибо, просто чай, – и только сейчас Виктор разглядел, что она была за человек. На вид около двадцати двух – двадцати четырех лет, видимо, недавно закончила университет, невысокого роста, стройная, даже тоненькая, словно тростинка; светлые волосы средней длины, ясное личико, большие голубые глаза. Если верить высказыванию, что глаза – зеркало души, то она, безусловно, была ангелом. Это была не совсем обычная девушка. Вернее сказать, наоборот. Это была самая обычная девушка из мечтаний юного романтика. Вроде бы ничего особенного, но одновременно совершенная из-за своей простоты. Такая, какой люди представляют себе героиню из прочитанной книги. С глазами, в которых отчетливо читались верность, нравственность, целомудрие. Во всем. Верная своим по-настоящему чистым убеждениям, своему главному делу – нести людям свет. По-доброму наивная, что могло создать о ней ошибочное мнение, будто бы она глупая и недалекая. Но все эти опасения не могли быть ничем больше, кроме как воображением уставшего человека, забывшего, что мы должны быть именно такими: честными, открытыми, верными. Она была той, для которой материальные ценности не имели цены как таковой. В общем, это как раз та девушка, о которой многие мечтают и одновременно бегут без оглядки. Что нас заставляет бояться – непонятно. Быть может,

чувство навязанного страха, что с ней нам будет скучно? Жизнь потеряет краски и превратится в рутинную однообразность? Или же стыд, что мы можем испортить, разрушить такую чистейшую красоту? Не уверен. Одно я знаю точно: убегая от такого человека, мы совершаем огромную, а может, главную ошибку своей жизни.

Очнувшись от размышлений, Виктор обнаружил у себя перед носом кружку с чаем, которую держала улыбающаяся Мария. Взяв кружку, он приступил не спеша пить из нее. При первом глотке мужчина ощутил прилив сил, словно пробудился ото сна. Он даже подумал, словно Маша физически через простой чай передала чуточку своей доброты. Ум просветился, и в то же время дал о себе знать голод. Мария, словно почувствовав это, молча протянула ему тарелку с пряниками – Виктор уже не отказывался. За время чаепития, он все думал, что от него нужно медсестре? Почему она так добра к нему, так заботлива? Искренна ли она или же что-то скрывает. Жизнь научила его, что не стоит полагаться на первое впечатление о человеке и уж тем более раскрываться перед ним. О да, его жизнь была отличным учителем. Но способным ли он был учеником?

Мария так же размышляла и пыталась угадать, что же он за человек такой. Кто он, ее сегодняшний собеседник. На вид мужчина лет пятидесяти, брюнет с проседью, с симметричным лицом и небольшой щетиной на нем. Правильные черты лица с «грустными» карими глазами создавали образ благородного человека. Но что скрывается за его стеклянными глазами, о чем он думает? Сама, не понимая почему, она страстно желала ему помочь, что ее толкало на это – не известно, но была уверенность, что так будет правильно. Она не выделяла его, как кого-то особенного, Виктор просто оказался очередным в ее негласном списке людей, нуждающихся в ней. Да даже и не в ней, просто в человеке, который способен увидеть и разделить чужую боль, а она же просто оказалась рядом. И девушку не пугало, что Виктор может оказаться одним из тех подлецов, что уже встречались ранее, неспособных распознать чистоту ее помыслов. Те, что после бесед с ней пытались либо обокрасть, либо обвинить в чем-нибудь или же воспринимали её инициативу помочь как флирт и позволяли себе лишнего. При воспоминании о последнем Маша невольно впала в краску, так как даже мысли об этом заставляли ее краснеть. Но все же нет, ее не пугало быть непонятой, так как еще с раннего детства она отличалась от своих сверстников и частенько оказывалась белой вороной в обществе. Погруженная в размышления, Мария и не заметила, как чаепитие подошло к концу, а Виктор же не заметил, как уснул. Маша была рада, что опечаленный отец сможет отдохнуть и набраться сил. Укрыв его своим пледом, она направилась в коридор заниматься делами.

– Ох, Вы уже проснулись! Вообще-то здесь нельзя находиться посторонним и тем более спать, – пролепетал совсем еще молодой юнец. – Но я не сдам Вас, я знаю кто Вы, – подняв глаза, интерн начал рассуждать уже как бы сам с собой. – А если я Вас знаю, то Вы не посторонний... получается, ничего не нарушили? Интересно...

Не дав закончить рассуждений молодого мыслителя, Виктор поднялся со своего места ночлега и направился в палату сына. По дороге он вспомнил, что вчера было: палата, девушка-медсестра, чай и все. Вместе с чувством стыда за то, что бросил сына одного, он ощутил и порцию гнева. Гнева не понятного ему самому. Что его злило? Добродушная и весьма странная девушка-медсестра? Или он сам со своим бессилием? надоедливая и тяжелая атмосфера больницы в целом или же молодой выскочка-интерн? А, может быть, все вместе? Или же ничего из этого, а что-то другое? Что-то такое, в чем он сам себе не признавался. Но это, в принципе, было и не важно. Сейчас он хотел понять, кто же эта девушка Маша. Почему она так добра к нему. Был он простым работягой, было бы проще разобраться, но он ведь далеко не прост, и многие его знают. Наследник огромной финансовой империи, доставшейся ему по наследству от отца. Нескромно богат и одновременно скромнен по своей натуре, но научившийся хорошо разбираться в людях. По его опыту, людям, в общей массе одинаковым, свойственен весьма не скромный список таких «talантов» как алчность, трусость, гордыня и далее по списку. Но были ведь и другие. Хоть и не много, как его отец или же Филипп, давний друг, который своей чистотой и простотой перевешивал тысячу мерзавцев. Да, Филипп был один на миллион... а что если еще раз повезло, и ему снова встретился такой человек? Вряд ли, но проверить можно. Вернувшись в палату, Виктор не обнаружил никаких изменений. Все так же безжизненно лежит его сын, все те же белые стены, те же раздражительные звуки от множества приборов, все та же угнетающая, убивающая его обстановка. Присев на свое место, он взглянул на наручные часы. Девять часов утра. Как раз время обхода врача. Он сможет еще раз увидеть эту девушку. Может, утром у него лучше выйдет разглядеть и хоть немного разгадать этого

человека. Спустя десять минут, как пришел сам Виктор, в палату все-таки вошел лечащий врач его сына с другой медсестрой. Увидев Виктора, доктор быстро и еле заметно кивнул ему, при этом не сказав ни слова, подошел к аппаратуре. Наблюдая за показаниями оборудования, доктор нервно что-то помечал в своей папке, затем так же быстро, как и вошел, развернулся и собрался было уходить.

– Вы можете мне сказать что-нибудь новое? Что с ним, как он? Только будьте со мной честны. Чего мне ждать, доктор? – спокойным и одновременно натянутым тоном спросил Виктор.

– Пока ничего нового. Его состояние тяжелое, но стабильное. Хуже, по крайней мере, ему не должно быть. Единственное, раз уж Вы хотите, чтобы я был честным с Вами, тогда я Вам рекомендую хотя бы ночевать у себя дома. У нас, знаете ли, здесь не приют для бездомных, и мне не особо льстит, что, приходя на работу, я замечаю спящего, небритого не пойми кого на месте, где лежат мои личные вещи и, в конце концов, я сам там отдыхаю. – Эти слова задели Виктора. Сегодня уже третий день, как он находится в больнице и, конечно, его вид и состояние отличаются от его статуса.

– Простите меня, доктор, но поймите... – не дав закончить, врач его перебил.

– Что значит «поймите»? Что значит «поймите»? У меня были уже тысячи пациентов и что? Каждого прикажете мне понимать? А еще их дети, жены, мужья, родители, друзья... может мне всех и каждого прощать и понимать? Нет уж, извините, меня на всех не хватит. С сегодняшнего дня, Вам будет позволено находиться здесь только в часы приема и с моего личного разрешения. Даю Вам полчаса, чтобы удалиться, или я вызову охрану. – С этими словами доктор развернулся в сторону выхода, но Виктор с силой схватил его за руку, не дав уйти, и тихим, гневным голосом ответил:

– Считайте, что Вы здесь больше не работаете. Более того, в этой стране Вы больше не сможете работать с людьми.

– Что Вы себе позволяете!? Да ты вообще сюда больше не попадешь, псих ненормальный! – но Виктор его уже не слушал, он шел по коридору в сторону лифта, достав из кармана пиджака телефон, совершил звонок.

– Анатолий, машину к больнице, – коротко, продолжая злиться, отдал приказ Виктор.

– Здравствуйте, шеф! Так я Вас здесь и жду с того самого дня. Вы же приказали не отъезжать, – покладистым голосом ответил водитель.

– Отлично, – и Виктор бросил трубку.

– Виктор Романович, извините, подождите! – догоняя, пролепетала молоденькая, симпатичная медсестра. – Простите Глеба Валентиновича, сама не знаю, что с ним сегодня, обычно он не такой.

Не ответив на просьбу, Виктор задал вопрос:

– Вчера была Ваша коллега, Мария. Она сегодня не работает?

– Нет, сегодня я буду наблюдать за Вашим сыном, а она после суток, завтра будет.

– Это она меня пригласила в ординаторскую, а и не заметил, как уснул. Приношу свои извинения. То есть я не обвиняю ее, просто хочу объяснить, что я оказался там не без разрешения.

– Ну что Вы, мне-то совсем не жалко, да и Глеб Валентинович не стал бы так грубить, я его давно знаю, видимо, у него что-то стряслось.

– Поверьте, не у него одного сегодня тяжелый день. К тому же он должен понимать, что работает в частной клинике и получает за свою работу мои деньги! – сказал Виктор больше, чем хотел.

– Понимаю, но все же прошу Вас, не злитесь на него. Я знаю, кто Вы, а он – нет, вот он и...

– Это ничего не меняет. Здесь я обычный отец, у которого чуть не умер сын, и я не хочу, чтобы кто-либо еще на моем месте мог ощутить подобный прием. А теперь простите, мне нужно домой, Вы же сами слышали, меня уже за бездомного принимают. Всего доброго.

Выйдя из больницы, не замечая ни прохожих, ни поющих птиц, что обычно радовали посетителей больницы, он быстрым шагом прошел мимо небольшого больничного сквера. Машина находилась на том же месте, что и в день трагедии, когда Виктор приехал узнать, что же произошло с его сыном. Личный водитель Анатолий уже ждал его с открытой задней дверью автомобиля.

– Я поеду спереди, – поставил перед фактом хозяин машины.

Сев в свой автомобиль бизнес класса, Виктор невольно глянул на спидометр. Машина без него не проехала и километра. Еле заметно улыбнувшись, он похвалил про себя шофера и устало сказал: «Домой».

Был солнечный ноябрьский день. Виктор достал телефон, набрал номер.

– Алло. Геннадий Юрьевич, здравствуйте, – поприветствовал Виктор юриста его бизнес империи, по сути являющегося его «правой рукой». Нужно сказать, что Виктор за долгое время смог полюбить его, как родного отца.

– Здравствуй, Витенька, слушаю тебя.

– Не могли бы Вы подъехать сегодня ко мне домой к часу дня?

– Да, конечно, я буду.

– Спасибо.

Быстро, без пробок, выехав из Москвы, машина Виктора въехала в закрытый поселок, в котором проживала половина всей бизнес и политической элиты нашего государства. Представителей же культуры в нем практически не находилось, так как у жрецов прекрасного попросту не хватало на это денег. Хотя и у политиков, чьи официальные доходы открыты обществу, в принципе, денег не должно было хватать, но они такие мастера убеждений, что каким-то образом им всё же удавалось договориться и приобрести здесь заветное жилье. Проезжая, Виктор не смотрел на все эти здоровенные дворцы за высокими заборами.

Двухэтажный дом Виктора находился на отшибе всего жилого комплекса и выделялся своими относительно малыми габаритами, совсем не страшным забором и отсутствием всякого рода архитектурных сооружений, начиная от классических мраморных статуй и заканчивая, так называемым, «современным искусством», которые встречались почти во всех домах соседей. На переднем плане также был маленький домик, в котором проживали служащие. По периметру были расставлены камеры, хотя уже давно никто не смотрел, что они пишут. Виктор отказался от охраны и их услуг уже давно. За себя он не боялся – просто устал от этого. На заднем дворе был расположен небольшой навесик, под которым Виктор любил сидеть по вечерам и размышлять, грустить и вспоминать о прошлом. Несколько елочек, небольшая баня да бассейн – вот и все, что представлял из себя двор Кротова, который он отстроил вновь таким же, каким он перешел в наследство. Менять он ничего не собирался.

Половина одиннадцатого. Приехав раньше назначенного времени встречи с Геннадием, Виктор использовал оставшееся время, чтобы привести себя в порядок. Геннадий был пунктуальным человеком, не опоздал он и в этот раз.

– Здравствуй, Витенька, – первым поприветствовал его милый старичок в солидном сером деловом костюме.

– Здравствуй, – в отличие от Геннадия, Виктор не улыбался. – Я по делу. Суть в том, что я хочу, чтобы у моего сына был другой врач, а нынешний перестал быть врачом вообще.

– Интересно, а что именно стряслось, ты мне не расскажешь, так? – не теряя добродушного вида, спрашивал Геннадий Юрьевич. – я узнавал, что Глеб Валентинович – отличный доктор! Редкостный мастер своего дела, я бы сказал.

– Не настолько, как ты себе представил. И да, вдаваться в подробности мы не станем.

– Ну что же, я выполню твою просьбу, но только завтра, а сегодня у тебя еще есть время передумать. Как-никак, мы собираемся сломать человеку карьеру.

Последние слова Виктор Романович пропустил мимо. Ведь, как выразился сам Глеб Валентинович: «Зачем вообще кому-то кого-то понимать?». Закончив беседу со своим другом и наставником, опечаленный отец вернулся в больницу. Добравшись до отдельной палаты его сына, он застал там вчерашнюю девушку-медсестру.

– Мне сказали, что Вас сегодня не будет, – вместо приветствия сказал удивленный Виктор.

– Да, у меня сегодня выходной, но Аня, вторая медсестра, попросила отработать сегодня вместо нее, – так же без приветствия отчиталась девушка.

– Что-то случилось?

– Честно, я не знаю подробностей, но слышала, что у Глеба Валентиновича случилось какое-то несчастье. Вроде жена от него ушла и забрала детей, а Аня любит его, как отца. Дело еще в том, что у нашего доктора когда-то давно были проблемы с алкоголем, и Аня переживает, что он может сорваться. Вот и отправилась к нему на поддержку. «Скоро у него будут проблемы не только с алкоголем», – подумал про себя Виктор. – Понимаете, он для Ани, как отец. Ее родители погибли в автокатастрофе, и он делал все, чтобы бедняжка не сошла с ума, а его жена – крайне ревнивая женщина. Вот, собственно, такие дела. Ах, и простите, что не разбудила Вас. У меня просто не хватило смелости.

– Ну что Вы, не стоит извиняться. Я сам виноват, – Виктор и впрямь не держал зла на девушку, так как считал, что всегда и во всем нужно искать причину внутри себя.

– Вы, кажется, хотели вчера поговорить? Я уже все закончила и с радостью выслушаю Вас. К тому же и Вашему сыну будет приятно услышать голос отца.

– Мой сын в коме. Он ничего не слышит и не понимает, – без особой неприязни сказал мужчина то, что думал.

– Не стоит недооценивать родственные чувства, – эти слова задели Виктора. Уж его в этом упрекать не стоит. Но ведь девушка права, здесь он проявил бестактность.

– Даже не знаю, с чего начать, – неуверенно сказал Виктор, не решившись еще до конца. – Вообще очень трудно говорить и думать о чем-либо в такой ситуации. Я взрослый мужчина и нахожусь сейчас в палате моего последнего сына. Сына, который может не проснуться.

– Не нужно так говорить, – перебила девушка, тем самым смутив Виктора Кротова. – Вы забыли? Я же вчера Вам говорила о том, что чудеса просто так не случаются. Но даже чудесам нужна поддержка – верьте в них!

– Да, Вы правы, – Виктор широко улыбнулся. Он никак не мог ожидать столь требовательного тона от столь милой и юной девушки. Правда, улыбка его тут же спала. – Но вся эта больничная атмосфера, давящая на тебя, заставляет осознать, что ты беспомощен и никак не можешь повлиять на ситуацию. Тебе не могут помочь ни твои деньги, ни связи, ни жизненный опыт... белые стены, белый потолок, вокруг все эти непонятные приборы с десятком трубок, которые впиваются в тело моего мальчика, а он даже не чувствует их. Он не знает, где он находится, он не видит... – последовала пауза, – «Как его отец плачет у его больничной койки» – подумал он, но не осмелился сказать это вслух. – И это неспроста. Это моя вина. У меня было отнято все самое дорогое! Кроме последнего сына, все, что есть в моей жизни, ничего не стоит ничего. Я остался один, рядом с сыном, за судьбу которого не берется говорить ни один врач. И вот я стою и собираюсь все Вам рассказать. Вам, человеку, которого и не знаю вовсе. Но что-то внутри меня подсказывает, что я просто должен Вам все рассказать. Нелепица какая-то... – после Виктор перевел взгляд на своего сына и продолжил. – Если ты слышишь меня, сынок, прошу тебя, не делай поспешных выводов... не отрекайся от меня. Знай, что так, как я себя ненавижу, меня ненавидеть не может никто. Ни один год я мечтал о смерти, я перешел с ней на «ты» и жаждал, чтобы она забрала меня в свои объятия. Я просил, я молил, но у нее

были свои планы, жуткие и очень жестокие. В конечном итоге, она полюбила меня и сопровождала повсюду. Где бы я ни делал шаг, костлявая тут же устраивала свой бал. Все, что мне было дорого, она забирала себе, – снова пауза, мужчина явно о чем-то задумался, а девушка и не думала перебивать его и уж тем более переспрашивать о странных словах собеседника. Но когда пауза затянулась на достаточно длительный срок, ей все же пришлось спросить.

– Все нормально?

– Да. Простите, мне нужно сделать телефонный звонок, – Виктор Кротов набрал номер Геннадия Юрьевича и сказал, что его утренняя просьба отменяется. Конечно, он чувствовал неудобство от такого решения, ведь он дал доктору слово, что тот уже не будет работать. Но с другой стороны, разве слово стоит судьбы человека? Человека, который просто вспылит, а не сделал зла по умыслу. После, Виктор, погруженный в объятия своих воспоминаний, начал рассказывать свою историю. У него не было желания что-либо приукрасить или скрыть, напротив, он воспринимал все словно исповедь. Перед Марией он был, словно грешник, исповедующийся перед священником. И он понимал, что для того, чтобы действительно был толк во всем его рассказе, он должен раскрыться полностью, освободится ото всех своих страхов, переживаний, всех демонов, что разрывали его душу в клочья на протяжении долгих, мучительных лет. И только тогда он, возможно, станет свободным и обретет покой. Только тогда он сможет себя простить. И эта удивительная, добрейшей души девушка подходила для его откровения как нельзя лучше. И дело было вовсе не в ее ангельской внешности, вовсе нет. За свои годы Виктор уже не раз убеждался, что внешность весьма обманчива. И хоть он не мог знать наверняка, он чувствовал, что она его понимает; она способна разглядеть и познать все то, о чем он говорит; она сумеет прочесть между строк. А раз так, то, несомненно, эта маленькая, хрупкая девочка с большими глазами ребенка, повидала в жизни намного больше, чем должна была.

Глава II Воспоминания

Воспоминания из детства. Ну правда, что может быть лучше для человека, которого жестоко потрепала жизнь? Ведь погружение в те славные, добрые и чистые деньки, что ребенок переживает в полноценной и любящей семье, можно сравнить разве что с путешествием в сказку. Другой мир, где нет зла и фальши. Где человек окружен заботой и настоящей любовью. Спустя годы понимаешь, что в том далеком мире было все самое чудесное, что может быть в жизни, и лучше уже не будет. Будет что-то хорошее, прекрасное и даже волшебное, но именно лучше – нет. А все те проблемы и трудности, что возникали у еще маленького ребенка – лишь суета. Да и о чем плохом можно вспомнить, если у тебя была действительно крепкая и дружная семья? Даже шутки старшего брата Юрия, которые казались жестокими и нечестными, сейчас, спустя много времени, у нашего героя вызывали одно лишь умиление. Кроме старшего брата у Виктора был еще брат Дима, сестра Ксюша и, конечно, мама с папой. Все без исключения были людьми порядочными, а все благодаря заботе и воспитанию родителей. Главу семейства звали Роман Александрович Кротов. Парадоксально, но, владея огромным состоянием, которое сколачивалось целыми поколениями, он оставался человеком скромным, не любившим пафос и роскошь. Словом, это был человек чести и благородства. Сразу хотелось бы отметить, что свои взгляды он так и не смог передать в полной мере детям. По крайней мере, всем...

Несомненно, Виктор мог бы все изложить как нужно, однако, ввиду понятных причин, он не мог знать о происходящем с другими людьми, что внесли свою лепту в его судьбу, и именно поэтому – да и не только – рассказ буду вести я – ваш покорный слуга, а не сам Виктор.

Итак, все дети семейства Кротовых учились в элитной школе, где практически все обитатели были обеспеченными и прямо-таки избалованными, поэтому, дабы избежать подобной воспитанности своих отпрысков, Роман Александрович всегда пресекал у своих детей проявление высокомерия и любви к деньгам в целом.

Однажды Дмитрий, один из старших братьев Виктора, отказался от своего товарища. Ребенок был сыном школьного учителя, и из-за того, что он не был богат а в школе оказался только благодаря положению отца, Дима решил не вести с ним дружбу. Ведь над маленьким Володей (так звали малыша) многие дети смеялись и недолюбливали от того, что недолюбливали его отца, строгого, но не богатого учителя. Узнав об этом, Роман Александрович собрал всех членов семьи, дабы обсудить сложившуюся ситуацию.

– Думаешь в деньгах счастье? – вспоминал Виктор слова отца. – Тогда, будь добр, назови мне хоть одного человека, который готов умереть за деньги?! – говорил он строго, не давая Диме поблажку на юный возраст, которому тогда было всего десять, а младшему Вите и того меньше – шесть.

– Дорогой, может не нужно сразу вот так вот говорить о смерти, – пыталась защитить своего сына Надежда Алексеевна. Женщина, схожая по характеру с мужем, но только более мягкая и терпимая. Хотя, когда дело касалось ее семьи, она могла круто удивить любого своей стойкостью и бескомпромиссностью. Супруг лишь взглянул на свою жену, и этого было достаточно, чтобы заверить ее в том, что он знает, что делает.

– Что, в голову ничего не лезет?! – продолжал глава семейства, обращаясь уже ко всем своим детям. – Правильно, ведь мы, люди, готовы жизнь свою отдать лишь только за любовь. Чистую, невинную любовь к женщине, детям, к родителям, другу, Родине, вере, идеологии и так далее. И ничто и никогда не сможет заставить меня усомниться в своих убеждениях! И я очень надеюсь, что вы все уже сейчас можете это понять и принять мои взгляды. И вы поймете, ведь вы – наши дети, а у нас с вашей мамой не может быть глупых детей! Запомните! Только за любовь мы можем отдать все, – все дети внимательно слушали и пытались воспринимать

слова, как взрослые люди, хоть и не знали, что такое «идеология». Но все же все услышали именно то, что говорил им их отец.

– Я завтра пойду и извинюсь перед Вовой, – сказал маленький Дима, опустив глаза в пол.

– Это правильное решение, – одобрительно качая головой, ответил отец. – И никогда не стесняйтесь просить прощения, если вы сердцем чувствуете, что виноваты. Никогда не бойтесь выглядеть нелепо в таких ситуациях. Ведь мы с мамой иногда просим у вас прощения?.. Ну ладно, думаю, вы хорошо запомните наш разговор, а теперь все дружно идем ужинать!

Спустя три года произошел забавный случай. Возвратившись домой из школы и не застав родителей, которые гостили у друга семейства Геннадия Юрьевича дома, Юра и Дима отважились на одну шалость. А именно – они решили попробовать алкоголь, который им никто, конечно, раньше не давал. Набравшись смелости, мальчики отправились в семейный погреб, где и выбрали для своего опыта одну из бутылок коньяка. Юре было тогда шестнадцать, поэтому он брал на себя ответственность за выбор напитка. Ну а тринадцатилетний мальчик Дима полностью полагался на выбор старшего брата и вовсе не возражал. Вите было тогда девять, и поэтому братья решили не звать его с собой. Нужно сказать, что к нему всегда было предвзятое отношение, ведь он был самым младшим в семье. Даже с сестренкой старшие братья чаще делились своими планами, чем с ним. Вернувшись поздно домой, родители хотели было пройтись по комнатам своих детей и лишний раз удостовериться, что с ними все в порядке. Но Димы и Юры не было в своих комнатах. Начались поиски, и взволнованная мать уже было собралась вызывать полицию, как маленькая Ксюша случайно обнаружила своих братьев. Проходя мимо двери, ведущей в погреб, девочка услышала странный звук, похожий на рев дикого зверя. Испугавшись, девочка позвала папу, чтобы тот проверил, что же в погребе происходит. Но так как папа сам был весьма нетрезв после вечера у друга, в погреб спустилась мама. Роман Александрович уже тогда понимал, что произошло, и спокойно стоял около двери, широко улыбаясь. Обнаружив своих детей пьяными в погребе, Надежда Алексеевна сразу успокоилась, а потом разозлилась за столь глупый поступок ее сыновей. Шкодники лежали и мирно спали, причем тот факт, что им обоим было плохо и они образовали около себя две небольших лужи из содержимого желудков, никак не приводил их в чувства. В отличие от маминых несильных, но весьма звонких пощечин, которые сразу прояснили им рассудки. Вскоре мальчики уже поднимались наверх, подгоняемые своей не на шутку разгорячившейся матерью. Увидев своего отца, ребята остановились и начали прятать свои стыдливые глаза.

– Эх, ребятки. Вы хоть понимаете, что вы сделали? – продолжая улыбаться, спрашивал отец. Ребятки не могли что-либо внятно объяснить, и кроме бурчания у них ничего не выходило. – Не страшно, что вы тайком напились, пока нас не было дома. Рано или поздно такое происходит у всех. Страшно то, что вы заставили переживать свою маму. Да и меня ведь тоже! Ладно, ступайте и умойтесь, приведите себя в порядок, а затем отправляйтесь спать. Завтра будем разговаривать! – попытожил отец, и все стали расходиться.

– Пстой, Витя, – Роман Александрович жестом велел подойти поближе самому младшему сыну. – Пойдем со мной на кухню, – мальчик послушно последовал за отцом. – А тебя они не позвали с собой?

– Нет, папа. Они со мной не очень дружат, потому что я еще маленький, – честно признался Витя. В детстве он всегда любил поговорить со своим папой, даже в редких случаях, когда от него сильно пахло тем же, чем и от его братьев в тот вечер.

– Ничего Витя, это скоро пройдет. На самом деле они с тобой не очень дружат не потому, что ты маленький, а потому, что это они еще не повзрослели и не понимают многого, – ребенок внимательно слушал папу, хоть и не понимал толком, что тот ему говорит. – Видишь, сегодня твой папка тоже напился и мне стыдно сейчас сидеть здесь перед тобой. Но что поделать, я же так люблю тебя!

– Я тоже люблю тебя, папа.

– Я знаю, сынок, – папа замолчал и стал закрывать глаза. Чуть позже подошла мама и предложила мужу тоже отправиться в постель, на что тот ответил отказом, ведь ему еще нужно поговорить с сыном. Никто не возражал, так как Надежда Алексеевна была уверена в своем муже и в том, что он в любом состоянии не сможет навредить их детям. Ни словом, ни поступком.

– Вот знаешь, почему мы, взрослые, иногда выпиваем? Ведь все знают, что это вредно, но все равно – мы выпиваем! – после ухода супруги начал говорить отец сыну.

– Нет, не знаю.

– Я вот тоже не знаю, как у всех, но думаю, что догадался, почему выпиваю я, – громко и весьма забавно икнув, отец продолжил. – Дело в том, что я простой человек со своими недостатками и слабостями. Одна из этих моих слабостей – это недостаток любви. То есть, понимаешь, я хочу людей любить больше, хочу приносить им добро, но часто у меня это не выходит. Кто-то когда-то меня обидел, кто-то сделал нехороший поступок, и мне трудно относиться к этим людям хорошо. А вот когда немного выпью с дядей Геней, я забываю о своих обидах и чувствую, что становлюсь лучше! Понимаешь, каждый раз, вот прям каждый раз у меня так! Только вот есть проблема, – Роман Александрович эмоционально покрутил из стороны в сторону своей хмельной головой. – Проблема в том, что это лишь видимость. Иллюзия, и лучше я не стал. Более того, тогда это уже и не я вовсе, на следующий день я это понимаю. То есть, видишь, как выходит: я стремлюсь к хорошему, а выходит все равно плохо. Особенно когда я или вообще любой человек много пьет. Тогда он уже и на человека не совсем похож. А на утро, знаешь, как стыдно бывает? О-о-о-о, ужасно стыдно! И вроде ничего ведь плохого не сделал, ну подумаешь, выпил с друзьями, но душа-то все знает и понимает! Ее не проведешь, вот она через совесть и подсказывает, что это – гиблое дело.

– Тогда зачем же ты потом опять пьешь, папа? – спросил ничего толком не понявший из сказанного маленький мальчик.

– Так хочется же быть лучше! Хочется же... ну ладно, сынок. Давай отправляйся в свою кроватку – завтра рано вставать. Я хочу более наглядно всем вам показать, что такое пьянство!

Маленький Витя послушно выполнил папин указ и отправился в свою комнату. Вдогонку Роман Александрович еще раз обратился к своему младшему сыну.

– Сынок... я горжусь тобой. Просто знай об этом, – после, подмигнув, папа еще раз отправил сына в постель, пока в его голове не появилось еще чего сказать.

Перед сном Витя все думал о том, что сказал ему отец, и не мог понять: зачем папа хочет быть лучше, если он и так самый лучший?

Ранним утром, как и обещал, глава семейства всех поднял с кровати и велел собираться на прогулку. Мама стала просить смиловаться над детьми, ведь после вчерашнего опыта они явно чувствовали себя прескверно.

– Так в этом же и суть, милая моя! К тому же я тоже вчера выпил, так что все честно! Преподав урок им, я преподам урок и себе, – таков был ответ Романа Александровича. К слову сказать, вид у вчерашних шкодников был и правда паршивым: у них явно жутко болела голова, и к тому же было видно, что их до сих пор подташнивает. Зато Витя и Ксюша были очень веселы и радовались очередному приключению. Посадив всех детей в машину и усевшись рядом с ними, глава семьи попросил своего личного шофера отвезти их всех на площадь «Трех вокзалов», что почти в центре Москвы. Юра с Димой тогда перепугались, что папа решил увезти их неизвестно куда. Но все оказалось иначе. Роман Александрович решил показать на примере, что бывает с людьми, которые много пьют. Проводя их по самым злачным местам, где бездомные от пьянства и безысходности доводили себя до того, что даже не стеснялись ходить под себя в туалет. Отец говорил.

– Посмотрите на этих несчастных людей. Конечно, мы не знаем, что довело их до такой жизни, но в одном я уверен: если вы будете много пить, то рано или поздно станете такими же!

Запомните их лица, запомните на всю жизнь! – Детям, особенно младшим – Вите и Ксюше, было тяжело смотреть на бездомных людей и, возможно, это было даже жестоко для их маленьких, неокрепших сердец, но они все, как один, запомнили этот урок, и больше отец никогда не видел своих детей пьяными до беспамятства.

Конечно, было еще множество примеров воспитания, но, думаю, все их перечислять не стоит. Ведь уже всем стало ясно, какая атмосфера царила в семействе Кротовых. Единственное, что я не могу обойти, так это еще один случай из жизни деток. Рядом с их домом жил один очень старенький и немощный старичок. Он был беден и обитал в элитном районе только потому, что эта земля уже очень долго принадлежала его семейству, а продавать дом он даже и не думал. Его никто не трогал, потому как он был под защитой самого Романа Кротова. Ведь если бы не его слово, корыстные люди уже давно нашли бы способ выселить старика. Остальные соседи не понимали в этом Кротова, так как считали дедушку сумасшедшим. Да, у старика была одна странность: он абсолютно всем раздавал яблоки со своего сада. Даже когда у дедушки обнаружили рак легких, его это не остановило. И вот однажды он пришел к Кротовым домой со своими яблоками и постучал в дверь. Дверь открыл маленький Витя и, то ли испугавшись, то ли побрезговав старичка, он прогнал его, выбросив яблоки. Приехав домой с работы, Роман Александрович увидел сидящего на обочине дедушку, который тихонько плакал. Долгое время старик не хотел рассказывать о случившемся, но все же выложил все, как было. Войдя в дом, глава семейства объявил о начале семейного совета, вместе с собой он привел и соседского дедушку.

– Итак, дети, я хочу, чтобы вы все дружно поприветствовали Иннокентия Петровича, нашего доброго соседа, – все дети хором сказали «здравствуйте», кроме Вити. Он уже понял, что весь сбор из-за него.

– Молодцы, – похвалив сыновей и дочь, Роман Александрович обратился к маленькому Вите, который стоял отдельно от всех и прятал глаза. – А ты, Витя, ничего не хочешь сказать дедушке?

– Извините меня. Я поступил с Вами нехорошо, – после слов мальчика на лице старичка образовалась добродушная, беззубая улыбка. Было очевидно – зла он не держит. Глава семейства снова начал говорить:

– Вот и славно. Спасибо Вам, Иннокентий Петрович, больше я Вас не смею задерживать, – дедушка поклонился детям и, уже уходя, что-то сказал мужчине на ухо. Роман Александрович выслушал и кивнул в знак согласия.

– Радуйтесь жизни, а не порокам, – начал вдруг говорить пожилой сосед, обращаясь к детям. – Отпустите страхи и волнения, верьте в лучшее, что в вас есть: верьте в добро, любовь, дружбу и вы сможете по-настоящему верить в себя. В себя таких, какими вы и должны быть. И в этот момент всевозможное зло всего мира не сможет вас сломать! – закончив речь, старичок раскланялся и отправился на выход, продолжая все так же широко улыбаться. Видимо, дедушка был счастлив, что ему разрешили поговорить с детьми. Оставшись в кругу семьи, отец задал детям вопрос:

– Как думаете, почему я его позвал? – повисла тишина, и спустя время первым решил ответить Витя.

– Для того, чтобы я извинился, за то, что прогнал его и не захотел брать его яблоки.

– Да, это так. Но это не главное. Главное, чтобы вы запомнили этого человека, потому что, возможно, лучше его вы уже не встретите. Только подумайте: старый, больной и одинокий человек, который только и делает, что раздает людям свои яблоки. А ведь он никогда не просил за это денег, не ждал похвалы, он просто хотел поделиться тем, что у него есть. А кроме яблок у него ничего и нет. Он готов отдать последнее, что у него есть, чтобы доставить хоть немного радости пусть даже незнакомому человеку. Да, он немного странноват, но он уже очень ста-

ренький, и все мы представить не можем, как ему тяжело собирать эти яблоки. Подумайте об этом – нам всем есть чему у него поучиться!

Так дети и росли: в заботе и нравственном воспитании. Спустя годы Виктор, вспоминая мировоззрение родителей и их нравоучения в адрес детей, никак не мог понять: как же они смогли быть такими богатыми и влиятельными людьми? Ведь стараясь видеть в людях хорошее, можно оказаться обманутым ими. Причем, что не редко, даже самим собой. Хотя кто сказал, что добрый человек – это человек глупый?

Также нужно добавить, что в уже подростковом возрасте Витя переставал, не хотел понимать и принимать взгляды своих родителей. Возможно, это связано с тем, что его старшие братья так и не смогли научиться относиться к нему всерьез, а ему этого так не хватало. Лучшим другом Виктора была его сестренка, а ведь он хотел себе друзей – таких же мальчишек, как и он: молодых, веселых и богатых. Поэтому в девятнадцать лет, поступая в один из столичных ВУЗов, Виктор потребовал для себя отдельную квартиру, надеясь, что, имея отдельное жилье, он все-таки сумеет обзавестись друзьями. Тогда вышло именно так, как и ему казалось: он вступил в компанию самого популярного парня университета Егора Двардова. Но, из-за того, что он чувствовал власть и свое высокое положение среди сверстников, этот популярный парень был совсем не такой, как любой из представителей семейства Кротовых. Егор Борисович Двардов – сын очень влиятельного бизнесмена, чье богатство было даже намного больше состояния Романа Александровича, вырос совсем не в таких условиях, как Виктор. Его мать умерла, когда ему не было еще и десяти, а отец, Борис Сергеевич, не находил времени для нравственного воспитания сына. Более того, после смерти супруги мужчина стал черствым и даже жестоким. К тому же его виденье жизни шло вразрез с виденьем Романа Александровича. Возможно, именно поэтому сын Бориса Сергеевича и стал по примеру отца жестоким, масла в огонь подливало чувство абсолютной вседозволенности и безнаказанности. Так в светловолосом и на вид ангельском ребенке с голубыми глазами легко умещались не самые лучшие духовные качества. О его проступках боялись говорить, исходя из страха перед его отцом. Для более понятного восприятия я приведу вам пример одной из встреч отца и сына Двардовых.

Произошла эта встреча как раз тогда, когда счастливый Виктор подружился с Егором. Придя домой под вечер после занятий, Егор просто убивал время в семейном саду, дожидаясь вечера – времени развлечений.

– Егор, тебя отец зовет, – без приветствий сказал Михаил – начальник безопасности и личный телохранитель Двардова-старшего. Мужчина отталкивающей наружности, с большим безобразным шрамом на щеке.

– Зачем? – поинтересовался юноша.

– Ты забыл, что за человек твой отец?

– Как же...

Пройдя быстрым шагом сад, Егор намеренно сбавил скорость у входа в дом, делая вид, что любуется узором высокой увесистой дубовой двери, которая на вид весила не меньше двухсот килограммов, но, как ни странно, легко открывалась.

Приоткрыв немного дверь, юноша спросил у Михаила вполголоса.

– А что ему от меня нужно?

– Ты же знаешь – твой отец не слишком общителен.

Опустив глаза, молодой человек с выдохом сказал:

– С тобой он хоть иногда нормально разговаривает.

Улыбнувшись тонкими губами, Михаил ответил своим обычным грубым басом, несколько не стараясь говорить тише.

– Тебе не нужно так говорить, он любит тебя одного по-настоящему. Только немного скрывает это, – после этих слов, косо взглянув на Егора, он серьезно добавил: «Наверное».

– Ну а в каком он хоть настроении, может он на что-то намекнул, когда сказал позвать меня?

– К чему расспросы? Если твой отец и стал бы со мной откровенничать или говорить намеками, я оставил бы это при себе. Иначе это могло бы не лучшим образом на мне сказаться. Я верный пес своего хозяина.

После этих слов личный телохранитель Бориса Сергеевича слегка подтолкнул сына своего хозяина, давая понять, что ему уже начинают надоедать эти пустые расспросы трусливого мальчишки, который искренне боялся своего отца, но всячески демонстративно пытался доказать обратное. Но Михаил – суровый человек с врожденной философией служения более сильному духом – видел его насквозь. И от этого относился с презрением к единственному отпрыску своего господина, хоть и довольно-таки искусно скрывал это из уважения к Двардову-старшему. Вообще нужно сказать, что, глядя на Михаила, невозможно определить, что у него на уме. С одним и тем же выражением лица он может давать похвалу отличившемуся работнику и, ровно с теми же эмоциями, придушить человека голыми руками, если ему будет отдан приказ. «Хладнокровие и самообладание – две сущности одной из немногих добродетелей воина» – так всегда он отвечал на вопросы о его беспристрастия к делу. Хотя следует признать: посторонние люди не часто задавали ему вопросы. Остальную часть пути – длинный коридор от входа до кабинета Бориса Сергеевича – они шли молча. Ведь Егор все же опасался приближенного своего родителя (хотя не так сильно, как отца) и знал: если Михаил не хочет вести диалог (а болтать он никогда не любил), то лучше помолчать. Перед дверью в кабинет телохранитель остановился, давая понять, что дальше Егору нужно идти самому. Набравшись мужества, парень вошел вовнутрь. Оказавшись внутри кабинета, он не сразу заметил отца. Сам кабинет был весьма просторный, но все-таки находиться в нем многим было тяжело. Немного мрачное помещение со всегда закрытыми занавесками темно-красного цвета. Слева от входа находилась старинная деревянная вешалка, на которой неизменно висели пиджак да в зимнее время – шарф хозяина дома. У многих, да и у Егора, она вызывала ассоциации со спаленным в самой преисподней молодым деревцем. Если же приходили посетители, они всегда снимали верхнюю одежду еще в коридоре, хоть на этом и не настаивал Борис Сергеевич. Справа располагались доспехи средневекового рыцаря, причем не парадные, а боевые. На них отчетливо можно было рассмотреть вмятины, оставленные неприятелем в бою. Еще одна особенность доспехов заключалась в том, что глазницы закрытого шлема как будто бы наблюдали за смотрящим на них человеком, под каким углом не оказался бы взгляд наблюдателя. У левой стены располагился масштабный мраморный камин. Многим приходило на ум, что камин и вешалку создавались одним и тем же мастером, так как складывалось впечатление, что достали его оттуда же, откуда и «спаленное деревце». В длину он был примерно два с половиной метра. Две фигуры полуодетых девушек со склоненными головами держали крышку камина в позе древнегреческого титана Атласа. В целом, глядя на этот камин, можно было прямо-таки ощутить силу отчаяния этих скульптур. На самой крышке лежала одна лишь сабля, принадлежавшая какому-то хану «Золотой Орды». Спереди данного творения располагалось массивное кресло из красного дерева, под которым находилась шкура медведя, подстреленного самим хозяином кабинета. С противоположной стороны стоял деревянный книжный шкаф коричневого цвета. И, наконец, прямо напротив двери находился трехметровый стол овальной формы. На нем никогда не было ничего лишнего, лишь бумаги, настольная лампа, подставка для ручек и стеклянная пепельница самой обыкновенной формы.

Молодой человек уже было подумал, что отец вышел, пока Михаил его искал, но уже через секунду обнаружил хозяина кабинета в правом углу комнаты, наблюдающего из окна за цветением своего сада. Это был человек немногим более пятидесяти лет. Худощавого телосложения, чуть выше среднего роста, но все же ниже своего сына. Одевался он всегда просто и строго: белая или черная рубашка, серый костюм, черные туфли в сочетании с черным рем-

нем. Такую одежду мог себе позволить любой из его работников и подчиненных. Левую руку украшали золотые часы, сделанные ему под заказ в какой-то неизвестной мастерской, расположенной в самом сердце Швейцарии. Сколько они стоили, не знал никто, так как их владелец не считал нужным кому-либо об этом рассказывать. На безымянном пальце был надет массивный золотой перстень с выгравированной короной Российской Империи, на вершине которой располагался внушительный бриллиант. На правой руке также присутствовали кольца (простое обручальное и перстень – на мизинце, немного меньше первого, но выглядевшее также солидно). Украшением кольца был герб предков Двардовых: лежачий щит, на котором восседал орел. Некоторые считали, что семейство Двардовых когда-то являлось приближенным к самому Императору Александру III, но эту информацию Борис Сергеевич не подтверждал, однако, и не опровергал. Лицо у него было, как у уставшего человека, но всегда гладко выбрито. Практически полностью седые волосы на голове с небольшой залысиной в районе лба. Небольшой подбородок, тонкие губы, которые за последние десять лет забыли, что значит улыбаться. Впавшие щеки, множество морщин, нос среднего размера с горбинкой. Особо выделялись темно-карие глаза, глубоко опущенные и словно отделенные от глазниц. Вся их оригинальность заключалась в том, что, когда они смотрят на тебя, чувствовалась какая-то тяжесть, даже некая враждебность. Причем с кем бы Борис Сергеевич не вел разговор, смотрел он на всех одинаково, непременно, в глаза. В целом, если судить о его внешности и не брать в расчет немногие аксессуары, то его можно было бы сравнить с самым обыкновенным человеком с улицы. Несмотря на то, что он являлся одним из самых влиятельных и уважаемых людей страны.

– Здравствуй, сын, – начал Борис Сергеевич, – ты догадываешься, для чего я попросил тебя прийти?

– Ну привет. Попросил? Насколько я знаю, последним, что ты просил, было согласие маминих родителей на ваш с ней брак, а после их отказа...

– Довольно, еще слово, и ты почувствуешь разницу между моей просьбой и приказом, – все тем же спокойным голосом отец перебил молодого человека. Но этого оказалось вполне достаточно, так как Егор сразу же опустил голову и покорным тоном сказал:

– Нет, папа, я не знаю, для чего ты меня позвал.

– Я хочу, чтобы ты мне рассказал о своих друзьях.

– Ты же сам их прекрасно знаешь, это мои однокурсники, дети твоих партнеров или же...

Снова не дав договорить, отец перебивает сына:

– Я имею в виду твоих постоянно меняющихся друзей, про твоих безмозглых бездельников, прожигающих родительское состояние, я знаю достаточно. Расскажи мне, что это за люди, откуда они берутся и куда все-время пропадают.

– Новые друзья? О чем ты? Я, я не понимаю, – юноша старался говорить четко и быстро, чтобы скрыть нарастающую дрожь в голосе.

– Я напомню тебе. Мне стало известно о том, что у тебя стали появляться новые знакомые. В течение недели ты таскаешь их по своим распутным вечеринкам, знакомишь их с такими же дегенератами, как ты сам, покупаешь на мои деньги девок для них, а потом они исчезают, как из твоего круга друзей, так и из города вообще. Я повторяю вопрос: «Что это за люди, и что с ними происходит?».

Вопрос звучал все так же спокойно, но резкий тон давал понять, что Борис не желал долгого диалога. Понимая это, Егор пытался выкрутиться и быстро подобрать те слова, которые удовлетворили бы отца. Бегая глазами по комнате, словно пытаясь найти подсказку, он не придумал ничего лучшего, как задать встречный вопрос:

– Когда ты прекратишь следить за мной? Я уже не ребенок, и мне не нужна твоя горилланянька, которую ты ко мне поставил еще в детстве. Небось, это он тебе все докладывает? Каждый мой шаг, каждое слово, что я ел и когда я хожу отлить?

Закурив сигарету, Борис Сергеевич, не спеша, приступил к ответу:

– Насчет Фёдора я дал тебе слово, что он будет служить и хранить верность только тебе. И я его держу. Но я так же не скрываю, что многое знаю о том, что и как с тобой происходит, вплоть до того, как звали бабушку той девки, что ты снял в субботний вечер. Но все же я хотел бы, чтобы ты мне сам рассказал о происходящем с этими ребятами. А пока ты попытаешься найти в себе силы и смелости, чтобы все мне честно рассказать, я хочу поведать тебе историю об одной моей крупной сделке. Полтора года я лично вел переговоры с некой компанией. Завтра мы должны были подписать договор, в котором четко прописано, что после утверждения я стану абсолютным монополистом в поставках леса на один очень крупный мебельный завод в Италии, также, по устной договоренности, мой лес через Италию будет доставляться и в другие страны Европы. Эта сделка повысила бы доход нашей семьи примерно на десять процентов. Ты хоть можешь себе представить сколько это? Ну да ладно... но вдруг происходят странные обстоятельства: у господина Стефано Поггливи, владельца контрольного пакета акций этого самого итальянского завода, внезапно жизнь самоубийством заканчивает его единственный сын, девятнадцатилетний жизнерадостный молодой парень, подающий надежды в живописи. На Родине, в Италии, его ждала молодая девушка, на брак с которой уже дали одобрение родители двух влиятельных европейских семейств. В целом, ничто не предвещало беды. Но она произошла. Мой друг Стефано, узнав о смерти своего наследника, так и не смог справиться с горем и сошел с ума. Ты когда-нибудь видел, как взрослый и весьма неглупый человек сходит с ума? Ему сообщили скорбную весть прямо в моем ресторане, где мы обговаривали последние мелочи. Бедняга вначале не поверил и на эмоциях ударил свою помощницу, которой не посчастливилось стать гонимой дурных вестей. Но не прошло и двух минут, как ему позвонила госпожа Поггливи и, разрывающимся от горя голосом, обвинила мужа в смерти их мальчика. После услышанного Стефано обронил телефон, пустил слезу и резко поменялся во взгляде. Сел прямо на пол и с силой стал колотить себя по лицу. Это продолжалось до тех пор, пока его не привязали к носилкам, чтобы он не убил себя. Его жажда самобичевания продолжается до сих пор. Врачи говорят, что разум его оставил, а чувство вины – нет. Кстати, как звали парня?

– Откуда мне знать? Что я должен помнить всех итальяшек Москвы? – отводя взгляд, невнятно пробурчал светловолосый юноша.

Затушив скуренную сигарету, медленно, подчеркивая каждое слово, Борис повторил вопрос. Егор знал, что, когда отец быстро курит, он сдерживает себя. Сигарета улетела за минуту.

– Как звали парня?

Понимая, что отец сам знает ответ на свой вопрос, он не стал увиливать и, опустив глаза, как провинившийся школьник, тихо ответил:

– Ферро Поггливи.

Подкурив вторую сигарету, Борис продолжил:

– Да, так его звали, – остановившись на минуту, он пристально всматривался в своего сына, пытаясь найти ответы на все свои вопросы, но, видимо, не сумевши, продолжил говорить:

– Также у меня есть надежный партнер, занимающийся транспортировкой всей продукции Двардовых: от фургончиков с конфетами и до танкеров, битком набитых углеводородами. И у него есть сын. Его зовут Виктор Кротов, и до меня доходят сведения, что он так же ввязался в твою компанию безответственных отморожков с тобой во главе. А сейчас я хочу получить четкий и ясный ответ на свой, даже для тебя, простой вопрос: «Что происходит с этими людьми?». И не вздумай мне говорить, что это совпадение – я в них не верю, особенно, когда в течение года столицу покидают семь детей влиятельных людей, на свою голову нашедших с тобой знакомство, а последний восьмой – иностранец – вообще повесился в гостиничном номере. Давай, я жду!

– Я...я...я...я...я...

– Что ты заикаешься, что ты за трус такой, кто тебя трогает? Чего ты боишься? Я в жизни тебя пальцем не тронул!

– Ты... ты не тронул? – набравшись смелости, Егор начал говорить более уверенно. Голос его звучал прерывисто, но решительно. Видно, он вздумал высказать все своему отцу.

– Ты вспомни, подумай, что ты со мной делал, после смерти мамы! – откровенно повысив голос, истерил единственный сын Бориса Сергеевича. – В двенадцать лет ты заставлял смотреть меня, как бойцовые собаки твоих мордovorотов разорвали на куски моего пуделя Бимбо, которого мне подарила мама!

– Ты должен был понять, что собака должна быть сильной, как и её хозяин. Какой толк вообще от пуделя? – искренне удивлялся Борис Сергеевич.

– А в четырнадцать – заставил наблюдать, как твой любимый головорез Миша отрубил руку парню, за то, что тот пытался украсть сумку с машины, пока его товарищ отвлекал твоего сумасшедшего телохранителя. «Смотри сынок, как нужно поступать с вором», – комично процитировал сын отца. – А что стало с той девушкой, которая протестовала против того дерьма, что ты творишь в Арктике? Она нашла в себе смелость и плюнула тебе в лицо. И что ты с ней сделал, папочка? Я очень хорошо помню ее крики с подвала нашего дома. Вышла ли она оттуда живой? – все продолжал истерику недовольный сын. – Очень сомневаюсь, ты же Двардов! Человек из стали! Титан современности! Ты бы не закончил дело на полпути, верно, отец?

– Да, это так, – швырнув остаток сигареты, еле сдерживая себя, сквозь зубы, проскрипел Двардов-старший. – Я дал тебе все: лучшее образование, безбедное и беззаботное детство, тебя тренировал лучший тренер по боксу, который вообще когда-либо жил. Все его ученики были чемпионами, все, кроме тебя! Я купил тебе квартиру, машину, – нарастающим тоном продолжал отец. – У тебя всегда была куча денег. Да сейчас на тебе одежда, на которую обычный парень будет собирать год! И то, если не будет ни есть, ни спать. И после всего этого ты смеешь критиковать меня? Ты, жалкий беспомощный щенок! Да, я пытался сделать из тебя мужчину, сильного, волевого, достойного продолжателя рода. Достойного своих предков...

– Достойного тебя, ты хочешь сказать? Тебя – Великого?

– Видно, это все твоя мать... – уставшим тоном ответил Борис Сергеевич. – Она была слишком мягка к тебе. И я... я не мог ей противиться в то время. Все ее поблажки к тебе, балование, твоя вседозволенность с раннего детства. Абсолютная безнаказанность... сыграли свою роль, я уже ничего не смог исправить. Я пытался, но не смог...

– Ох, отец, как ты ошибаешься, – сын не дал закончить слова отца. – Ты мне по сути ничего не дал! Ничего! Я всегда ненавидел бокс. Учился драться лишь для того, чтобы выплескивать на людей свою ненависть к тебе! Я всего добился сам! Сам, слышишь? – Двардов-старший продолжал молча смотреть прямо в глаза своему сыну, но так и не издал ни звука. Почувствовав уверенность в себе, Егор продолжил еще громче, еще более дерзко. – Я собрал вокруг себя людей, которые слушают меня, подчиняются мне! Я – главный! Я – лидер! Я всегда и везде первый, я сплю с лучшими женщинами, мне рады на любой вечеринке, меня даже в полиции не трогают, потому что знают, кто я! Все знают, кто такой Егор Двардов! И не смей мне говорить о матери! Ты с ней рядом не...

– Хватит! – гневно проревел Борис Сергеевич. Впервые за всю жизнь Егор услышал крик отца. Крик, полный ненависти и отвращения. Крик, прошедший мурашками по всему телу, пронзивший саму его душу. И в этот самый момент он понял, что зашел слишком далеко. Но было уже поздно... Медленно поднимаясь со своего кресла, Борис Сергеевич направился к своему сыну, говоря:

– Ты – ничтожество, возомнившее себя Богом! Все твои успехи, все твои победы, все твои мнимые достижения – лишь тень моего авторитета. Тебя уважают, потому что знают, чей ты сын! Тебя бояться, ведь понимают, что если обидят – я отомщу. Тебе все можно, так как

в тебе течет моя, слышишь, моя кровь! Ты – ничто без моей фамилии. Ничто, ноль! И я тебе это докажу. Отныне я лишаю тебя всего, что тебе было дано с рождения. Я лишаю тебя денег, забираю квартиру, машину. Все! Теперь ты будешь самый обыкновенный сопляк, ломающий голову, где ему заработать копейку, чтобы купить себе пожрать, где переночевать и как вообще выжить в этом мире.

Последние слова Егор так и не услышал. Страх одолел его, отозвавшись в дергающихся руках и дрожащих коленях. Всё его естество кричало ему: «Беги». Пот, стекающий со лба, попадал в глаза и мешал нормально видеть. Теперь он стоял, как вкопанный, до смерти перепуганный, и не мог нормально разглядеть отца, который в упор приблизился к нему. «Беги» – отозвалось в голове. И он побежал, быстро развернувшись, он направился к выходу. Открывая дверь, перепуганный мальчишка где-то отдаленно, словно под водой, услышал голос того, от кого, собственно, и бежал: «Михаил! Держи его!» Выскочив в коридор, Егор направился к спасительной входной двери. Куда он вообще бежал, зачем и почему, он понять не мог, он просто чувствовал, что дальше говорить не нужно, что это опасно и страшно. Страх перед родным отцом помутнил его разум, как вдруг он почувствовал, как сильная рука, удушая, схватила его за воротник рубашки. Падая на пол, он понял, насколько тщетным и бессмысленным был его побег. Больно ударившись об пол, он, наконец, пришел в себя, и паника отступила. Михаил резко, но аккуратно поднял его на ноги, и глаза молодого человека встретились с испепеляющим взглядом отца. Слезы наворачивались на глаза, но это особо не подействовало. Отец, грубо схватив рукой щеки сына, начал уже спокойно говорить.

– Мы не закончили, – и с этими словами влепил две звонкие пощечины, по удару на каждую сторону.

– Нет!...НЕТ!... я ничего не знаю, я не понимаю, о чем ты говоришь... Я...я не знаю, что случилось с Ферро, я не трогал его... мы просто гуляли, выпивали и веселились, а потом он исчез, – плача и пряча лицо руками, кричал перепуганный мальчишка.

– Я не знаю точно, что с ними произошло, но ты меня не обманешь. Я был бы не я, если бы любой сопляк мог легко обвести меня вокруг пальца! А теперь слушай очень внимательно! Если хоть один волос упадет с головы Вити Кротова, и ты разрушишь мою дружбу с его отцом, крик той девки, что ты слышал в детстве, покажется тебе колыбельной песней.

Егор слушал очень внимательно своего отца и, если бы тот сказал все повторить слово в слово, он повторил бы без запинки.

– А теперь пошел прочь с глаз моих, чтобы я тебя не видел. Ничтожество...

Развернувшись, Борис Сергеевич обратился к начальнику безопасности:

– До завтра никого не впускать. Сегодня нет меня.

И не обращая внимания на хныкающего сына, направился в кабинет. Закрыв за собой дверь, молча постояв секунд десять, мужчина отправился заниматься своими бумагами.

У Егора же в голове была буря. Страх переплетался с гневом, самоотвращение соперничало с гордыней, отчаяние заглушало надежду на хоть какие-то добрые отношения с отцом. «Я – ничтожество... я – ничто... НЕТ! Нет! И я докажу тебе. Виктор Кротов говоришь, что же, раз уж ты так настаиваешь, папочка, я устрою твоему ненаглядному Витеньке такое, что жалкий италяшка еще на том свете ужаснется!». И слезы прекратились, и появилась на губах улыбка...

Глава III Вечеринка

Сегодня был именно тот день, когда завидный парень Егор пригласил Виктора на свою вечеринку. Сказать, что Виктор был счастлив от предстоящего мероприятия – не сказать ничего. Ведь мало того, что о вечеринках в личном ночном клубе Двардова-младшего ходили легенды среди молодежи, так Егор еще всегда был окружен самыми красивыми девушками. Несмотря на фамилию и деньги родителей, Виктор этим похвастаться не мог. Он был ужасно скромнен и не представлял даже, как завести разговор с представительницей противоположного пола. И вот в надежде, что Егор введет его в свое общество и поделится долей своей славы, Виктор ходил из комнаты в комнату своей квартиры, убивая время и не находя себе места. В районе пяти вечера зазвонил его телефон.

– Ну что ты, парень, готов сегодня оторваться по полной? – спросил в телефонную трубку Егор.

– Конечно, готов. Всегда готов! Слушай, что от меня нужно? Сколько денег брать, или может еще что нужно? – ответил взволнованный Виктор.

– Да не переживай, ничего не нужно. Я ведь тебя сам позвал. Я за тобой заеду в восемь, просто будь готов. И душ не забудь принять, будут девочки, которые захотят тебя съесть, так что будет лучше, если ты будешь хорошо пахнуть.

– Конечно, буду в лучшем виде! – краснея, отвечал Витя.

– Ну, вот и договорились, в восемь вечера будь готов.

– Хорошо, договорились.

Положив трубку, Виктор еще некоторое время продолжал улыбаться. Особенно он был рад предстоящей встрече с теми голодными девочками, о которых упомянул его новый друг. Однако взглянув на часы, улыбка его спала, ведь до встречи было еще так много времени! Виктору не хотелось ни смотреть телевизор, ни играть в свою игровую приставку – он был погружен в мечтания о сегодняшнем вечере. Спустя час-полтора снова зазвонил телефон. Он подскочил как ошпаренный, надеясь, что новый друг сможет заехать раньше. Однако молодого человека ждало разочарование – это звонил его отец, Роман Александрович.

«Ну что ему еще от меня нужно?», – подумал юноша, а сказал: «Привет, папа. Что-то случилось?».

– Да нет, просто вот решил позвонить. Как дела, сынок, чем занимаешься?

– Да так, сижу, телевизор смотрю. Время убиваю, – соврал младший из сыновей.

– Так что же ты, приехал бы к нам, сегодня сестра с братьями тоже придет. Только тебя не хватает. Посидим-поговорим.

– Па, ну о чем мы будем говорить? О Ксюшиных ухажах? Или о новой должности Димы? Я уже это все знаю, и про Юркино семейство мы уже тоже говорили.

– Мы – твоя семья и нам нужно чаще видеться. Мы тебя слишком балуем. Не нужно было покупать тебе отдельную квартиру...

– Ой, ну хватит. Чего ты начинаешь? У всех моих сверстников есть своя квартира! – потеряв терпение, возразил Виктор. – И вообще... ни о чем большем я не просил. Вот зачем ты меня все время упрекаешь этой квартирой? Если купил, так не нужно мне потом этим тыкать, будто бы я тебе должен, – тишина. Видимо отец и впрямь не хотел «начинать». – Ладно, пап, давай, пойду поесть что-нибудь приготовлю.

– Если надумаешь – приезжай, – сказав, отец бросил трубку.

После разговора с отцом настроение Виктора ухудшилось, ведь глубоко в душе он понимал, что был не прав, и совесть начала понемногу сверлить изнутри. Они вообще в последнее время не особо ладили. Виктор слишком устал от того, что всю жизнь к нему относятся как к маленькому. Да уж, тяжелое это бремя быть младшим в семье.

Спустя еще какое-то время снова позвонил Егор и настроение Виктора улучшилось, а совесть затихла.

- Я здесь мимо проезжаю, могу уже сейчас заехать, ты как, готов? – предложил Егор.
- Привет еще раз. Да, готов, позвонишь, как спускаться.
- Можешь уже сейчас, через пять минут буду.
- Хорошо, выхожу!

Быстро накинув легкую куртку и обувшись, Виктор уже через минуту спускался на лифте.

Он никак не мог поверить своему счастью, ведь уже совсем скоро его жизнь круто изменится. Чтобы немного успокоиться, Виктор закурил. Вскоре к подъезду подъехал огромный новенький внедорожник, через лобовое стекло которого юноша сразу увидел Егора, сидящего на переднем пассажирском сиденье. За рулем же был мужчина намного старше их. На вид тридцать-тридцать пять лет, короткие черные волосы, неоднократно сломанный нос и суровый взгляд. Виктору он сразу показался неприятным человеком. Егор помахал рукой, дав знак садиться в машину.

- Здорово, парень, – поприветствовал хозяин машины.
- Привет, дружище! Рад тебя видеть, – отозвался Кротов.

Скрепив приветствие рукопожатием, Виктор протянул руку и водителю, на что Егор, усмехнувшись, сказал:

- Знакомся – это мой телохранитель Федор. С ним не обязательно здороваться и вообще обращать на него внимания. В конце концов, он ведь не мой друг, правда, Федя?
- Так точно, – коротко и без иронии ответил телохранитель.

Виктор был удивлен подобным отношением, но виду не подал. Егор говорил о Федоре, как о собаке, и совсем не переживал о том, что может подумать его личный охранник. После того, как чувство удивления ослабло, в голову юноши пришла мысль, что именно так и следует вести себя людям их статуса, и ему теперь просто необходимо брать пример с Егора для своего перевоспитания. Глядя на телохранителя, стереотип Виктора тут же рассыпался: никакого строгого костюма, темных очков и наушника в ухе. Черная майка, джинсы и тряпичная короткая куртка. Обычный парень. Егор продолжил:

– Это мой папаша требует, чтобы он таскался всюду за мной. Но я поставил им обоим условия. Первое, чтобы он не выделялся из толпы и не таскал меня, как девочку за ручку. Хотя, с его-то рожей это будет не просто, но он должен стараться. И второе, чтобы в моем клубе его и других папиных клоунов не было. Чего там бояться, все же свои. Так что не парься, его с нами и не будет.

Виктор был рад такой новости, хоть его все же смущал подобный тон его товарища.

В вечернюю субботу трое молодых людей, быстро проехав пол-Москвы, добрались до заветного клуба. На месте Егор приказал Федору ехать домой и забрать его после закрытия – в шесть утра. Мужчина молча кивнул и уехал прочь.

– Не рано мы приехали? Еще и восьми нет! – задал вопрос Виктор.

– Да не, просто нам еще нужно в одно место забежать. Не переживай, со мной тебе скучно не будет! – ответил новый друг и как-то необычно улыбнулся.

Перед молодыми людьми предстало двухэтажное здание, горящее разноцветными огнями и большой вывеской над входом: «FreeLive». «Еще минуту, и я окажусь внутри да еще и с владельцем клуба за компанию!», – думал про себя Виктор, переполняемый радостным трепетом. Подобную радость юноша не испытывал, даже когда ему купили квартиру. Хотя по этому поводу он вообще особо не радовался, а воспринимал все, как должное. На входе ребят встретили двое здоровенных короткостриженных охранников в солидных костюмах. Они, как могли, любезно улыбнулись хозяину заведения, а на его спутника даже не обратили внимания. Пройдя во входную дверь, молодые люди оказались в небольшой комнате. Слева от входа находился гардероб, внутри которого людей обслуживала, даже на трезвый

взгляд, весьма красивая рыжая девушка. Справа – огромное зеркало. Перед зеркалом – уборная, за ним находилась винтовая лестница, которая вела на танцпол и в бар. А прямо напротив входной двери была другая неприметная дверь.

– Здравствуйте, Егор Борисович, – растянута и, как могло показаться, с ноткой флирта поздоровалась гардеробщица с хозяином ночного клуба.

– Привет, милашка, – в том же духе ответил ей ее начальник.

Виктор было собрался снять куртку, но Двардов его остановил.

– Подожди пока, пойдем за мной.

И он потащил его в эту самую неприметную дверь. За ней оказалась кухня, в которой, как в муравейнике, трудились работяги. Все были заняты делом: кто-то мыл посуду, кто-то готовил что-то вкусное, кто-то мыл пол, при этом каждый, кто замечал Егора, тут же отвлекался от дела и любезно здоровался с ним. «Здравствуйте, Егор Борисович». Будто существовало такое правило.

Не обращая на них внимания, Егор вместе с Виктором быстро прошли кухню и вышли через черный ход на улицу.

– Куда мы идем? – не выдержал Виктор.

– Да здесь, недалеко, не переживай. Я готовлю тебе сюрприз. Я должен был раньше тебе сказать, понимаешь, этот клуб – не то место, куда я тебя хочу привести. Но это потом, сначала же нам нужно забежать к одному человеку.

Виктор насторожился, но из вежливости не стал подавать виду. Он испытал чувство, которое возникало у каждого, кто предпринимал попытку принести себя в жертву ради мнимой вежливости и учтивости. Шли они по грязным, плохо освещенным закоулкам. Все эти здания, что снаружи блестели и сверкали, с задней стороны выглядели не лучше Чернобыльских, впрочем, мы, люди, в некоторой степени с ними схожи. Спустя время, наконец, впереди показался силуэт человека.

– Вот он, – коротко проинформировал Егор.

«Кто он, куда мы идем, что вообще происходит? Это все не то, чего я ожидал», – недоумевал Виктор. В этот момент ему на телефон пришло сообщение от сестренки Ксюши: «Зря ты не пришел, у нас весело. И тебе я точно больше не стану рассказывать про моих ухажеров!». После прочтения на лице Виктора появилась улыбка. «Все равно ведь будешь, не так-то просто от тебя отстать, сестренка... Да уж, наверное, все же нужно было к вам приехать...». – думал про себя юноша.

– Здорово, приятель! – Егор в голос поприветствовал незнакомца.

– Тише—тише—тише! – ответил незнакомец.

– Ты что опять обдолбался, друг мой? Ты глянь на него, он же укуреный! – переведя взгляд на Виктора, Егор продолжал. – Зато у этого парня лучшая дурь в Москве. Если захочешь полетать, смело беги к нему – никогда не подведет! Да и вообще, этот парень достанет для тебя, что угодно! Хоть ядерную бомбу!

Парень не ответил. Театрально прислонив ладонь к лицу, он что-то бормотал себе под нос. Это был высокий, худощавый человек на вид лет двадцати пяти-двадцати семи, с острыми очертаниями на лице и слегка прищуренными глазами. Одет он был неопрятно: грязные потертые джинсы, серые кеды, балахон с капюшоном. В одном его ухе был огромный туннель, настолько большой, что в него можно было просунуть, может, не всю руку, но 4 пальца – точно. Волосы были длинные, по плечи, немытые и несобранные. На вид – обычный бездомный.

– Я вот немного подумал, – неожиданно начал говорить незнакомец.

– Ох, Филя, не стоит, – перебил его Двардов, а после тихо на ушко пояснил Виктору. – Этот парень... если начнет рассуждать, его уже не заткнуть.

– Да подожди, это ненадолго, две минутки, пожалуйста, выслушай, – жалостливо ответил парень.

– Ну, хорошо! Только давай сперва рассчитаемся, пока ты меня не загрузил, и я не забыл зачем пришел.

«Это был наркодиллер!», – промелькнуло в голове Виктора. Действительно, Егор соби-рался приобрести наркотики, и Виктор хотел было воспротивиться этому. Все его нутро кри-чало о недопустимости употребления наркотиков. Однако он испытывал обыкновенное любо-пытство. И хоть знал, что нельзя, ему так хотелось все-таки попробовать. Ведь друг непременно его угостит, а когда еще Виктору представится подобный случай? К тому же Виктор думал, что от одного раза ничего плохого не случится, и согласится он лишь для того, чтобы понять, что же это такое. Кротов был уверен, что ничего дурного из этого не выйдет.

– Что тебе? – спросил уличный торговец.

– Как обычно: пять порций «Колумбийца», две пачки «Голландских конфеток» ну и немного травки, так, чтобы наутро расслабиться, – быстро ответил покупатель, широко улы-баясь.

Филипп молча расстегнул свой балахон, под которым находился еще один такой же, на котором было пришито множество карманов. Быстро пошарив по ним, он достал все необ-ходимое, сложил в пакетик и передал клиенту.

– А теперь слушай, – начал говорить наркодиллер. – Стою я здесь уже не первый год. У меня немного клиентов, зато все проверенные, и мне нечего бояться. И вся жизнь моя такая тихая. Тишина, – и он замолчал. Только сейчас Виктор обратил внимание на его глаза: зрачки были по «пять копеек». Он был совершенно точно под кайфом.

– Ну?! – Егор нетерпеливо перебил размышления Филиппа.

– Так вот. Тишина – Порядок. Шум – Хаос. В тишине рождаются мысли, в шуме, суете они погибают, но рождаются действия, преобразующиеся в материю. Хаос есть генератор энер-гии, той, что творит все окружающее нас, понимаешь? Но чтобы зародить в шуме энергию, нужна идея – та мысль, что рождается в тишине. Парадокс. Две противоположности, ведущие извечную борьбу, по сути не могут друг без друга существовать. И борьба их – есть вся наша жизнь, – говорил он быстро, словно боялся не успеть закончить свой рассказ, упустить из него что-либо.

– Вот тебе, тебе и мне аналогия «добра» и «зла», – указывая на всех по очереди, продол-жал говорить Филипп. – Берет верх Порядок, – пожалуйста, складные мысли... хоть и поверх-ностное, но понимание, осознание и созидание своего «Я» со всеми вытекающими. Отсюда радость, грусть, стыд, гордость, умиление и все наши душевные переживания. Порядок усту-пает Хаосу – в голове неразбериха, зато много действий. Вместе с выработкой энергии идет поиск того, что мы получаем в тишине. И чем дольше мы не обретаем этого, тем больше гене-рируется материя, которая без Порядка может нас раздавить. Жизненно важно хотя бы попро-бовать, хотя бы попытаться обрести в себе баланс Порядка и Хаоса. Абсолютная же гармония, на мой взгляд, невозможна, так как две сути будут извечно перетягивать одеяло на свою сто-рону. Теперь мне понятно от чего заядлый моралист способен вытворить что-нибудь из ряда вон выходящее, – с безумной улыбкой продолжал странный на вид человек. – Или же почему ужасный скептик, эгоист и нигилист бывает добрейшей души человеком. Это все от того, что сущность наша ищет равенства. Увы, подобные приступы чаще бывают у приверженцев Порядка. Хаосу легче овладеть человеком. Большинству в шуме комфортно. И это выбор. Нет такого простого человека, который рожден на той или иной стороне противостояния.

– Дружище, да тебе санитаров нужно вызывать! Ты всегда, когда так обдолбаешься, фило-софствуешь?

– Нет, но я всегда обдолбанный, – без улыбки ответил он.

– Так это ты в Тишине живешь, от этого у тебя и появился этот бред в голове?

– А по-моему, и не бред вовсе. Есть что-то особое в его размышлениях, – вставил свое слово Виктор. Егор продолжил:

– Да я смотрю, вам есть, о чем поговорить! Может, тебя с ним оставить, и вы здесь побеседуете на славу? – агрессивно задал свой вопрос Егор, но вместо ответа Виктора вдруг снова раздался голос Филиппа:

– Нет, Егорчик. И я, и ты живем в шуме. И мы – люди Хаоса. Я не о среде говорил, я о душе.

Егор в голос рассмеялся.

– Ладно, интересно с тобой Филя, но нам нужно идти.

Филипп же будто и не слышал. Он снова прислонил ладонь к лицу и стал бормотать под нос: «Тишина – Порядок. Тишина, Тишина...». Виктор с Егором развернулись и пошли обратно в сторону ночного клуба.

Шли они молча. Виктор не хотел задавать лишних вопросов, чтобы не показаться глупым и уж тем более выдать свое волнение от встречи с наркоторговцем, которого до этого случая он мог видеть лишь в кино. Но вдруг он заметил, что они свернули не туда, откуда пришли. Беспokoйство с раздражением стали им овладевать, и, не выдержав, Виктор спросил.

– Куда мы идем теперь? – в его голосе отчетливо слышалось нервность.

– Я же тебе говорил, что мы не пойдем в «FreeLive»? Потерпи немного, ну что ты как маленький?!

«Теперь и этот будет меня называть маленьким», – подумал Виктор. Егор продолжал:

– В том месте бывают только самые близкие и проверенные люди, – с этими словами он похлопал Виктора по плечу, давая понять, что именно он и есть тот самый особый и проверенный. Но даже Виктор понимал, что он не мог быть таковым, ведь они были знакомы не больше недели. «Может, это какой-то розыгрыш, и он просто хочет посмеяться надо мной? Но зачем? Плохого я ему ничего не делал», – размышлял Виктор. Затем он вспомнил о том, как Егор относился к ребятам из университета, да и к его телохранителю тоже, и подумал, что Двардов – это не тот человек, которому нужен повод.

– У тебя уже была девушка? – перебив размышления, спросил Егор.

– В смысле? В плане отношений? – Этим вопросом Егор застал Виктора врасплох.

– Ну и отношений, и так? Ты спал с девушкой? Мужиком-то себя уже чувствовал?

– Ну... нет, пока еще нет, – честно, но без уверенности отвечал смущенный юнец.

– Ничего, скоро мы это исправим. Ты ведь по годам-то уже мужик! Ты должен, наконец, познать женщину. Потерпи немного. Сегодня твоя жизнь разделится на «до» и «после»!

Эти слова заставили Виктора насторожиться еще больше, ведь все смеются над девственниками в его возрасте, а в искренность своего спутника Виктор уже не мог поверить.

– Далеко еще идти? Что это за место? А то мы уже полчаса идем по этим закоулкам! Где это место? – начинал заводиться младший из семейства Кротовых.

– Да вот, уже пришли, – подозрительно улыбаясь, отвечал Егор.

Перед ребятами предстала обычная металлическая дверь. Никаких огней, вывесок и даже окон.

– Что это? – спросил Виктор. – Куда ты меня притащил?

– Расслабься, приятель, ты что такой нервный? Сейчас все будет.

С этими словами Егор достал из кармана электронный ключ и открыл дверь. Вместо замка был самый обычный домофон. Из-за слегка приоткрытой двери сразу послышалась музыка. Видимо, дверь была очень хорошо шумоизолирована.

– Заходи, не стесняйся, – пригласил Егор.

Перед ними предстала небольшая комната с выходами в другие помещения, подсвеченная слабым красноватым светом. К ним сразу же подошли две улыбающиеся девушки в костюмах из сексшопа. Одна из них, в костюме горничной, подойдя к Виктору, прижалась и тихонько сказала: «Хочешь, ты сегодня будешь моим господином, а я – твоей послушной служанкой?», – с этими словами она облизнула Виктору шею и сделала невинное лицо, как

у маленькой девочки, а после рассмеялась. Смех этот был отталкивающим и вызывал раздражение, но чувства, которые он испытывал перед её формами, были сильнее. Девушка взяла его за руку и повела вперед. Виктор совершенно не понимал, что ему делать дальше. Разные чувства переполняли юношу. С одной стороны, он ужасно хотел пойти за ней, но что-то его отталкивало и кричало «Вернись домой!». Виктор же подумал, что все испытывают подобные чувства, когда у них случается «это» в первый раз. Взглянув на Егора, в надежде понять, что ему делать дальше, Виктор увидел, как Двардов в этот момент пытался поцеловать вторую девушку в образе женщины-кошки, а та же, в свою очередь, не поддаваясь ему, лишь игриво отвечала: «Мяу». Увидев или почувствовав, что Виктор смотрит на него, Егор аккуратно отодвинул девушку, сильно шлепнув её. Жест этот явно не понравился девушке, хоть она и не стала это особо демонстрировать.

– Иди же! Чего ты боишься!? – обратился хозяин к своему гостю. – Давай, смелее, а после мы отпразднуем такое событие! – и сразу же обратился к девушке-горничной. – Только ты, милочка, будь помягче и старайся больше. Ты будешь у него первой, и он должен запомнить тебя на всю жизнь!

Не отводя от Виктора взгляда, девушка ответила:

– Уж я-то постараюсь. Перед смертью будет еще вспоминать, – и снова засмеявшись, схватила его за руку и потащила вперед. Виктор злился от того, что Егор сказал о его маленьком секрете. Но зато теперь младший Кротов был уверен, что Егор пригласил его только для того, чтобы просто посмеяться над ним. Тем более вдруг эти девушки учатся с ними? Как они будут смотреть на него после? Что будут говорить ему и, тем более, за его спиной? А Виктор-то думал, что они с Егором и вправду могут стать друзьями. Но с другой-то стороны, Двардов сделал Виктору такой подарок, и он не собирался от него отказываться. Смущенный молодой человек зашагал увереннее. Проходя первую комнату, дверь в которой была открыта, юноша

увидел кровать, на которой трое людей были поглощены похотью. Парень и две девушки. Виктор узнал его – это был одноклассник Егора, с которым они всегда были вместе. На душе Виктору стало мерзко, уж слишком это вульгарно и пошло, но в то же время это возбуждало его животную натуру. В комнате, в которую вела его девушка, был выключен свет, Виктор шагал, доверившись своей спутнице. Она же вела его уверенно – точно знала куда идти. Вдруг ногами молодой человек во что-то уперся, видимо, в кровать. Девушка начала раздевать парня. Кротов стоял смирно, полностью доверившись ей. Когда она добралась до штанов, дыхание у него перехватило, и от возбуждения и волнения ноги стали подкашиваться. Если бы внезапно включили свет, девушка увидела бы дурацкую улыбку, застывшую у мальчишки на устах. Сейчас Виктор выглядел, как самый счастливый идиот.

– Я хочу начать с массажа, – нежно прошептала девушка.

Направляя юношу, «служанка» уложила его животом вниз. Кровать оказалась жесткой, узкой и высокой, словно больничная кушетка. Вдруг в комнату зашел еще кто-то, парень был уже полностью нагой. Как же он мог забыть закрыть дверь?!

– Меня попросили присмотреть за вами, надеюсь, никто не против? – по игривому голосу стало ясно, что вошла девушка-кошка.

– Конечно, милая, вместе будет веселей! – за двоих ответила первая и попыталась прижаться поцелую с вошедшей, но «кошка» снова оказалась неприступна. «Служанка» недовольно и даже удивленно фыркнула, а после с силой начала массировать спину молодого человека, который ну никак не мог ожидать подобного.

– Вытяни ручки вперед – так нам всем будет удобнее, – говорила «горничная».

Как раньше, Виктор молча выполнил просьбу и в этот момент почувствовал, что его кисти что-то сжимает. Не успела с его лица пропасть улыбка, как счастливчик почувствовал тоже самое на своих ногах, чуть выше лодыжки. После безрезультатной попытки освободиться удивление Виктора сменило раздражение.

– Что это? Что вы делаете? – еще сдерживаясь, спросил Виктор.

– Тихо мальчик, тихо. Успокойся, все будет хорошо, – по-матерински поглаживая его по голове, ответила «служанка».

– Если вы любите пожестче, то это без меня. Я на такое не подписывался... – не успела девушка-кошка закончить, как яркий свет ударил в глаза. Скованный по руки и ноги юноша увидел впереди себя большую стеклянную стену разделяющую комнату пополам. За стеклом, словно на троне, восседал Егор. Перед ним стоял небольшой столик с каким-то белым порошком и выпивкой.

– Что за чертовщина?! Немедленно развяжите меня! – в голосе Виктора была смесь горечи позора и гневного возмущения. Егор же величественно поднялся и, не спеша, подошел к стеклу.

– Улыбайся, – растянуто сказал он и пальцами надавил себе на щеки, показывая, как именно нужно улыбаться. В комнату напротив стали прибывать еще люди. Те трое с соседней комнаты и еще несколько человек не пойми от куда. Хозяин заведения вернулся на свое место, «служанка» истерически закатывалась смехом. Виктор не мог поверить, что это происходит. «Это все сон. Этого не может быть!», – думал он про себя. Но Виктор не просыпался. Девушка-кошка стала было говорить, что так нельзя, и парня нужно отпустить. После она начала кричать. Сзади послышались тяжелые шаги. Удар. Что-то упало. «Кошка» больше не кричала, а лишь тихонько хныкала. Музыка становилась громче и набирала темп. Взгляд Егора был уставлен на прикованного юношу. «Тяжелые шаги» стали слышны уже совсем рядом. И вот хозяин шагов встал впереди Виктора, чтобы тот мог разглядеть его во всей красе. Самка бегемота была бы в восторге. Здоровенный амбал, весь покрытый шерстью – на первый беглый взгляд, его можно было бы спутать с гориллой. Из одежды на нем была лишь кожаная маска, покрывающая всю голову, с разрезами для глаз и молнией в области рта да ошейник с корот-

кой цепью. Видимо, собаку сняли с поводка. Также Виктор успел разглядеть у него на шее татуировку в виде единорога. Внезапно кушетка согнулась пополам, и молодой человек оказался в весьма неловком согнутом состоянии. И только сейчас Виктор Кротов понял, что они собирались с ним сделать. Нет, не просто посмеяться над ним, этого им было мало. Его гордое возмущение улетучилось, и он стал просить, умолять отпустить его.

– Егор, пожалуйста, отпусти меня! Ну что же я вам сделал... нет, Егорушка, не надо, – в ответ Егор улыбнулся еще шире.

– Умоляю не надо... пожалуйста, пожалуйста... пожалуйста! Я дам денег, сколько хочешь, я все сделаю, только отпусти меня! – «кошка» зарыдала, что на миг заглушило музыку. «Служанка» подскочила к ней – удар. Еще удар.

– Заткнись, сука, или сейчас и ты там будешь валяться связанной! – кричала девушка в костюме служанки – «кошка» не успокаивалась. Последовал очередной удар.

– Эй ты, громила, утащи эту плаксивую шлюху отсюда, пока я не убила её! – Егор кивнул, девушка-кошка закричала иначе, видимо, от боли. По звуку было понятно, что её тащат волоком. Виктор затих. Надежда, что его отпустят, и все это закончится, еще жила в нем. Ему было страшно двигаться, производить звуки, говорить и дышать. Вдруг это еще больше возбудит их садистские амбиции? Егор отвлекался от разворачивающегося перед ним зрелища, лишь чтобы смочить пересохшее от возбуждения горло. Пытаясь быть сильным, Виктор собрал всю свою волю в кулак и попытался спокойно поговорить с ним.

– Егор, останови это безумие, и все забудем. Я не стану никому рассказывать, – обращение вышло у него не лучшим образом: говорил он, заикаясь на каждом слове, все его тело трясло от страха и волнения. Ну а недавний друг не стал сдерживаться и вволю рассмеялся.

– Да расскажи ты хоть всему свету – тебе никто не поверит, а после мой отец сделает так, что тебя еще и в дурку закроют! – разрываясь от смеха, кричал злобный мальчишка. – К тому же, я обещал тебе, что жизнь твоя разделится на «до» и «после». Ты же не хочешь меня выставить лжецом?

Из другой комнаты, куда утащили девушку, снова послышались тяжелые шаги. Еще раз встав перед Кротовым, огромный мужчина уставился ему прямо в глаза. Виктор чувствовал, что тот улыбается. Бешенная «служанка» принялась лобзать пленника и попыталась поцеловать. Виктор же, к своему собственному удивлению, нашел в себе силы и смелости, чтобы плюнуть ей в лицо. Искривленное от ярости лицо девушки в этот момент больше походило на звериный оскал, она замахнулась, но остановилась и посмотрела на Егора – здесь он был абсолютным хозяином. Егор одобрительно покачал головой и показал пальцем в угол.

– Ну, малыш, ты сам напросился, – и снова дикий смех. На мгновение она исчезла из поля зрения несчастного узника. Вдруг Виктор ощутил ужасную боль.словно раскаленное железо впилось в его спину. Он закричал. Секунда... и снова удар.

– Ты у меня быстро станешь послушным. Мамочка умеет перевоспитывать! – И снова удар. Затишье. Тяжелые, огромные и до жути сильные руки обхватили юношу сзади. Виктор хотел умереть в этот момент. До этой секунды он пытался держать себя в руках. «Я должен быть сильным, как учил меня мой отец», – мелькало у него в голове. Но он не смог. Слезы потекли из его глаз. Когда «служанка» ударила Виктора еще раз, он уже не кричал. Приподняв голову, пленником увидел следующую картину: на той стороне комнаты одна пара без стеснения начала совокупляться, другой парень мастурбировал в дальнем углу комнаты. Девушки кусали губы – их это возбуждало. «Нелюди, сборище мразей, грязь и биомусор», – еле слышно, полный злобы, шептал Виктор. Он проклинал их про себя, ненавидел их всем сердцем, хоть и видел впервые. А Егор все смотрел и улыбался. Кажется, он что-то шепчет. Началось самое страшное. «Обезьяна» захрипела Виктору на ухо, словно жирный вепрь, это чудовище убивало его честь. Боль, стыд, страх, истерический смех садистки-извращенки, проклятые Виктором лица вокруг. Все как в тумане. Время притормозилось или остановилось вовсе. Где-то вдалеке

скованный юноша услышал ужасный вопль. Это был его крик. Слезы текут – да и пусть текут. Ему уже это не важно. Все уже не важно. Все пустое. Лишь пыль вокруг. Нельзя сказать точно, сколько это продолжалось – Виктору показалось – вечность. Униженный, обессиленный... да что там... словно мертвый, он лежал, уткнувшись в точку.

– Тебе было весело, парень? Чего ты молчишь, маленький Витенька?

«Почему бы ему не убить меня прямо сейчас? Зачем он меня мучает?», – не отвечая, думал про себя Виктор. Король положения продолжил говорить, обращаясь уже не к Виктору. – Развяжите нашу милашку, хватит с него на сегодня. Ну а если тебе понравилось, я жду тебя каждую субботу, – ремни ослабли, и обессиленные руки Виктора упали вниз, как у безвольной куклы-марионетки. Все его силы ушли, когда он впивался сломанными ногтями в кушетку.

– Вставай и проваливай отсюда! Ничтожество... стой! Посмотри вон туда. Видишь, в каждом углу торчат камеры, и если ты хоть кому-нибудь расскажешь об этом месте, обо мне или моих друзьях, то твой звездный час увидит весь мир. Мы же ведь не хотим этого, правда? – Виктор не стал отвечать на его слова. Он продолжал молчать и пялиться в точку. На это Егор ответил ему сильной и звонкой пощечиной. Безо всяких эмоций Виктор посмотрел на него и сказал, что ему все равно.

– Ну раз уж тебе все равно, тогда иди домой без штанов! – сказав это, Егор бросил в лицо Виктора его майку и красную кожаную куртку, развернулся и отправился прочь. Затем к Виктору подошел одноклассник Двардова, взял его под руку и направил на выход.

– Да не переживай ты, все нормально, через месяц все пройдет и все забудут, – старался он говорить как можно более дружественно. – Ну а вот если ты кому-нибудь ляпнешь, вот тогда будет плохо. Так что езжай ты домой, отдохни, – дойдя до выхода, он снял с себя свои штаны и протянул их Виктору. Униженный человек принял их и пошел в направлении улицы, с которой он и пришел. Шел он в майке, легкой куртке, штанах на несколько размеров больше, босиком.

Пройдя закоулки, Виктор, наконец, вышел на оживленную улицу. Он не обращал внимания на косые взгляды прохожих, усмешки в его адрес – это все ничто, по сравнению с тем, что ему довелось только что пережить. Как бы он не старался идти быстрее, боль не позволяла ему этого, и походка его выглядела так, словно он пеший ковбой, который догоняет свою лошадь. К счастью, неподалеку стояла машина «такси». Подойдя к ней, несчастный ощутил на себе пренебрежительный взгляд, брошенный на него таксистом, который отказался везти «обдолбанного придурка». Стало быть, выглядел Виктор еще хуже, чем ему казалось.

– Эй, парень, такси нужно? – негромко сказал мимо проходящий парень со стаканом кофе в руке. – Пойдем, вон стоит моя машина, – в десяти метрах и впрямь находилась старенькая «девятка». «Они еще ездят в Москве?», – удивился Виктор, до этого видевший только дорогие иномарки своих родных и ребят из университета. Не успел он сесть в машину, как к водителю подошел тот первый таксист, который отказался его везти. Извозчики начали о чем-то спорить, видимо, конкуренция, но Виктор их не слушал. Ему было настолько все равно, что он бы и глазом не моргнул, если бы они стали убивать друг друга. До сих пор мир в его глазах был, как в тумане, и не было особой ясности, что происходит. Да и та боль, что он испытывал, когда садился, тоже отвлекала от происходящего. Вскоре хозяин «девятки» сел в машину, завел двигатель, Виктор, не глядя на него, назвал адрес, и они отправились в путь. Водитель все время косился в направлении Кротова и, наконец, спросил:

– Что с тобой произошло? Ты в порядке? Может тебе в больничку нужно? – Виктор, не расслышав вопроса, все не мог понять, что таксисту от него нужно. – Эй, мальчик, ты меня слышишь? – нетерпеливо спрашивал незнакомец.

– Да. Все нормально. Просто отвезите меня домой, – не глядя отвечал Виктор.

– А у тебя деньги есть? – без стеснения поинтересовался таксист.

– Есть. Сколько нужно?

– Три тысячи рублей, – он задрал цену в три раза, но измученный Витя просто достал одну купюру в пять тысяч рублей и, не задумываясь, отдал её. Водитель все ждал, когда ему напомнят о сдаче, но пассажиру было все равно. Если бы ему назначили сумму в десять тысяч рублей, он дал бы десять. Сказали бы отдать свой телефон, было бы сделано и это. Единственное, что для Виктора было важным – это добраться домой, ведь дом – наша крепость, и все тягости легче пережить и хоть немного забыть именно дома. Доехав до адреса, Кротов молча вышел и отправился в дом.

Полночь. «Обычно в это время я только выхожу гулять, а сегодня я уже дома, и мне совсем не до веселья», – подумал Виктор. Первым делом он направился в душ, чтобы хотя бы физически смыть с себя весь этот кошмар. Спустя некоторое время он прочувствовал, насколько сильно замерз. Пальцы на ногах не поддавались его воле. С горячей водой, что бережно омывало тело, ясность стала пробираться в разум. Виктору стало дико больно на душе, тоска клещами сдавила все нутро, что, казалось, она вот-вот раздавит его. Словно щенок в грозу, он забился в уголок ванны. Несчастный не понимал, как и зачем ему жить, и единственное, что приходило в голову – это мысли о суициде. Схватив бритву, которой он толком еще и не пользовался, Виктор приступил всматриваться в нее, не понимая, что ему делать дальше. В тот момент страха не было вообще. Он был готов умереть. Он хотел умереть. Но вдруг у него зазвонил телефон. Не придав этому событию особого значения, Виктор продолжал пялиться на бритву, как замороженный. Когда телефон зазвонил в третий раз, юноша вышел из душа, достал его из куртки, чтобы разбить в дребезги, и, уже замахнувшись, услышал звонок в четвертый раз. Взглянул – звонит Ксюша. Что-то все-таки заставило его ответить.

– Да, – в его голосе слышалась безразличность.

– Привет, Витя. Почему ты мне не звонишь? Я была уверена, что ты мне непременно позвонишь, после того, как я отправила тебе смс-ку. Но ты не звонил, вот я разозлилась на тебя и не стала звонить сама. Прямо вот сильно разозлилась! А вот теперь мне стало стыдно, и я решила позвонить, чтобы извиниться. Прости меня, братик, что я рассердилась на тебя.

– Ксюша, сестренка, это ты меня прости, и спасибо тебе, – родной голос любимой сестренки помог Виктору немного прийти в себя.

– За что?

– За то, что ты есть у меня. Я живу сейчас только благодаря тебе.

– Ты что, пьяный? Я родителям не скажу, но завтра я приеду и сама тебе всыплю, если ты напился!

– Нет, я не пил. Просто устал. Давай завтра поговорим, а сейчас я ужасно хочу спать.

– Хм... по голосу вроде не пил. Ты не заболел?

– Нет. Все. Завтра я тебе позвоню. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, братик.

Виктор погрузился в раздумья, со временем его разбитое, угнетенное состояние души стало преобразовываться в гнев: «Нет. Я не сдамся. Нееееет, так просто я это не оставлю. Не забуду, не прощу», – бритва все так же оставалась у него в руке. – «А сдохнуть я всегда успею. Но сперва – я отомщу. А там будь, что будет. И пусть хоть мир треснет – я отомщу».

По виду Маши было видно, что ей тяжело слушать такой рассказ. Виктор сделал паузу.

– Простите, что настаивала, чтобы Вы рассказали мне свою историю. Я и представить не могла, через что Вам пришлось пройти.

– Не стоит извиняться. Раз уж я стал Вам рассказывать, значит я так решил и сам даю себе отчет, – кривая улыбка появилась на лице у Виктора Романовича. По его лицу было невозможно определить, что он сейчас испытывал. – Другое дело – Вы. Я вижу, что Вам тяжело слушать, может, Вы не готовы к такой истории, и мы остановимся на этом?

– Что Вы испытываете от того, что рассказываете мне? – Напрямую спросила юная медсестра.

– Должен признаться, для меня это словно исповедь. И дня не было, чтобы воспоминания не накатывали. Они давят на меня. Когда я Вам все это рассказываю, мне становится легче, но я не хочу разделять с Вами свои тягости.

– За меня не переживайте! Я хоть и выгляжу слабой, но это не так. Тягости Ваши на меня не перейдут, а раз Вам становится легче, тогда Вы просто обязаны продолжить.

– Как скажете.

Глава IV Филипп

Так в ванной Виктор и уснул. Проснулся лишь с одной мыслью – месть. И ничего в его голову больше не лезло, а раны на спине и боль в промежности еще больше добавляли ему злобы. Лишь только слепая ярость, и ничего кроме. Его разум жаждет идей, но поначалу не было ничего, кроме тысяч негативных эмоций, переплетенных в какое-то подобие мысли. Сломать, разрушить, уничтожить, заставить страдать, чтобы они всю жизнь помнили свое преступление. Все, и каждый из них. Помнили и вздрагивали в ужасе... «Нет, не свое преступление – мой суд. Плевать, что они будут думать о своей жизни, но меня они запомнят! Каждый вечер перед сном они будут вспоминать. И даже во снах я буду им являться! Или... им не нужно меня помнить. Нет... они не переживут мой суд. Я убью их. Всех... все эти рожи отпечатались в моей голове, и я не знаю, как от них избавиться. Что ж, пусть живут себе, главное – я буду знать, что жить они остались лишь в моей памяти. Но как?..»

Звонок в домофон. Меньше всего Виктору хотелось бы сейчас принимать гостей. А может – это Егор? Виктор решил не подходить к трубке, ведь было не так важно, кто его там ожидал. Позже раздался телефонный звонок. Ксюша. Нехотя Виктор все же решил ответить.

– Ну и долго мне еще ждать на улице, соня? – требовательным тоном спросила сестра Виктора.

– Звони еще раз – сейчас открою, – пару мгновений и она была внутри квартиры. Перед началом расспросов решили сесть пить чай.

– Что с тобой? – первой нарушила молчание сестренка. – Ты как-то странно выглядишь. Давай рассказывай, что случилось!

– Да ничего не случилось. Все нормально, – пряча глаза, отвечал Витя.

– Не ври, маленькая врушка! Я знаю! Когда у тебя все нормально, ты похож на дурачка, а сейчас ты даже не улыбнулся, когда меня увидел.

– Да просто немного не успеваю по учебе. Скоро наверстаю, и все наладится, – юноша попытался через силу улыбнуться, чтобы хоть немного скрасить его мрачный вид и порадовать Ксюшу.

– Так давай я тебе помогу! Я же все-таки старше тебя и, наверняка, чуточку умнее, – и она издала звонкий ангельский смех, от которого брату всегда становилось тепло на душе.

– Нет, сестренка, сегодня как раз я не хочу ничего учить.

– Ну и ладно. Как знаешь. Ой! Я совсем забыла! Я ведь обещала Антоше сходить с ним в парк и покормить уточек. Я тебе рассказывала об Антоне? Он такой красивый и добрый, и...

– Ну все, хватит! Сколько можно?! Мне они совсем не интересны, все эти твои Игори, Васи, Пети! – громче, чем можно было, сгоряча прокричал Виктор. Девушку это явно расстроило.

– Ты... ты... хам! – недопив свой чай, она резко встала и направилась к выходу.

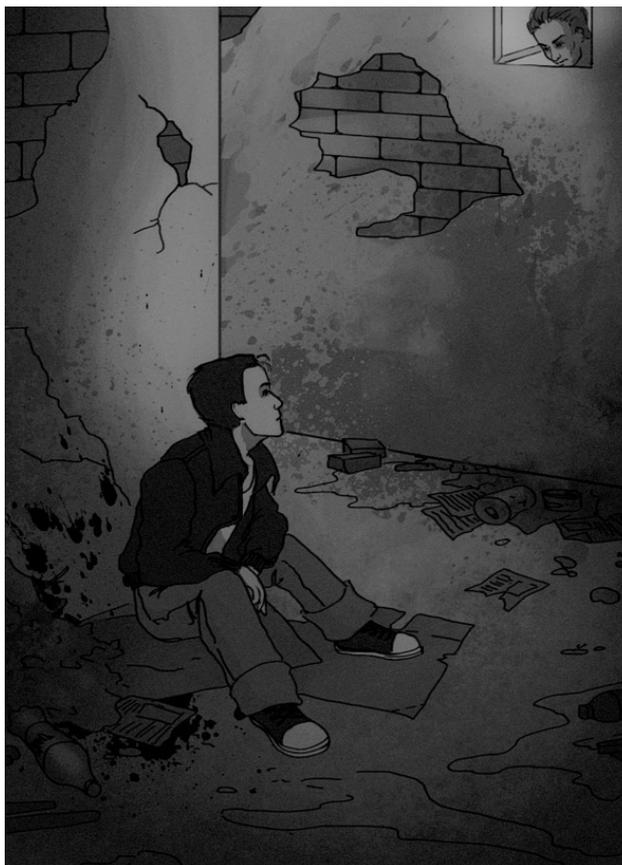
– Ксюш, стой. Да подожди ты! – пытаюсь ее остановить, Виктор не получил от нее и йоты внимания.

– Ну прости, я не хотел... – и перед самым выходом она развернулась, посмотрела на него и показала язык. Значит все нормально. Через час она забудет и простит ему грубость. Все это осталось с детства. Если Ксюшенька всерьез обижалась, то никак не реагировала. Ну а если не всерьез, то обзовет, толкнет, покажет язык или фигу. Виктора радовало, что она в двадцать один год все еще оставалась добродушным ребенком, но он также переживал о том, что её могут очень легко обидеть чужие люди, особенно когда его с братьями не было рядом. Ну и, конечно, он испытывал чувство ревности к этим напыщенным индюкам, что так и крутят своими хвостами около его маленькой сестренки. Оставшись в одиночестве, Виктор снова погрузился в свой мрак раздумий о мести.

Прошел воскресный день, в который обычно семейство Кротовых собиралось вместе. Виктор не мог ни есть, ни спать. С каждым часом он рождал в себе еще больше гнева, самостоятельно раздувая огонь ярости. От недостатка сна реакция его была притуплена, появились мелкие галлюцинации, типа несильного шума, стука или шелчков; стало ломить все мышцы. На вторые бессонные сутки ему стало мерещиться, что он начинает разговаривать сам с собой. Не про себя, наяву. Словно демон отмщения, Виктор не давал себе покоя, и, если вдруг он допускал возможность все оставить, забыть, то тут же чувства обиды и гордости с болью в сердце упрекали его за слабость и трусость. Он начал сходить с ума. Туман в его сознании с того рокового вечера все никак не рассеивался, и Виктор жил в навязчивом бреде. Потом несчастный все-таки уснул, и ему приснился странный наркодиллер. Он не мог его как следует разглядеть, но Кротов понимал, что это тот самый человек, с которым они виделись в субботний вечер. Во сне фантом Филиппа, пряча лицо, шепчет Виктору на ухо, что все должны умереть. Что они виновны, и суд его будет справедлив. Слишком много зла они уже свершили за свой столь юный возраст, и ничто их не может спасти. А после тень Филиппа бьет Виктора ножом в спину и дико хохочет смехом «ведьмы-служанки».

Проснувшись, задыхаясь от волнения, юноша пытается прийти в себя. Уже среда. Он проспал сутки. Виктор решил, что необходимо отправиться на поиски этого Филиппа, ведь у него должно было быть оружие. Оружие, способное решить его проблемы. Или, на крайний случай, Филипп сможет достать его для сходящего с ума человека. Но сколько ему понадобится денег, он даже и не мог сообразить. Не долго думая, Виктор принимает решение отправиться до Филиппа и расставить все точки над «i». А деньги – не проблема, ведь их всегда можно взять у отца, к примеру, на поездку в какой-нибудь музей Европы. Благо такие поездки не были редкостью. И пусть вскоре обман раскроется – будет уже все равно. Виктор дошел до мысли, что, если он оставит все, не станет мстить, то просто съедет с катушек. А, может, он уже безумен, в этом Виктор был уже практически уверен. Ведь он собирается пойти и убить с полдюжины человек. И ему по-прежнему все равно. Ему уже совсем не страшно, ведь страх да и многие другие людские чувства, как он думал, умерли в тот кошмарный вечер. В седьмом часу вечера Виктор Кротов отправился в путь. Доехав на такси до клуба «Free Live», он отправился до места, где в прошлый раз стоял наркоторговец. Обычно Витя плохо ориентировался в местности, но в этот раз он знал наверняка, куда нужно идти. Хотя он толком не помнил ничего, что окружало его в тот самый вечер, он смог бы даже начертить карту этого злополучного места. Когда он пришел в то место, время приблизилось примерно к тем же часам, в которые в прошлый раз он прибыл сюда же вместе с Егором. Но здесь никого не было. Возможно, думал Виктор, торговец работает в определенные дни, ведь он говорил, что у него не много клиентов. Виктор принял решение ждать. Ждать столько, сколько потребуется, да и куда ему теперь спешить? Прошел час – ничего. Два – безрезультатно. За три часа он выкурил полпачки сигарет, и его уже начало от них тошнить, но в итоге никто так и не появился. Если бы потребовалось, Кротов смог бы ждать и до утра. Он был полон решимости, ведь уже скоро суббота – день, в который Егор обычно создает вечеринки в своем закрытом клубе. Ждать еще неделю Виктор Романович не собирался, ведь он понимал, что, возможно, потом уже не сможет свершить свою месть. Кто-то точно обратит внимание, что с ним что-то не так, и его закроют в сумасшедший дом. Этим кем-то, скорее всего, была бы его сестренка, ведь она не позволила бы себе оставить брата без визита на долгое время.

Полночь. Облокотившись на грязную кирпичную стену, Виктор скатился и уселся на бетонный пол. Сидеть было больно до сих пор, но ноги уже слишком устали его держать.

– И долго ты еще собираешься здесь торчать и отпугивать моих клиентов? – неизвестно откуда послышался знакомый голос.

– Добрый вечер, Филипп. Я по делу. Нам нужно поговорить, – оглядываясь по сторонам, ответил Виктор, так и не распознав, откуда ему ответили.

– Я понимаю, что не о погоде ты хочешь побеседовать, но почему я должен с тобой вообще видеться? – недружелюбно ответил долгожданный Филипп, и только сейчас Виктор понял, откуда доносился голос.

– Меня зовут Виктор. Я в субботу приходил с Егором...

– Заткнись, придурок! – прямо напротив Виктора открылось маленькое окошко, в котором он разглядел лицо Филиппа. – Иди прямо и входи во вторую дверь справа, я тебя там встречу.

Не дождавшись горе-покупателя, вторая дверь отворилась сама у него перед носом. Не успев сообразить, Виктор почувствовал, как его с силой схватили за руку и втащили вовнутрь.

– Ты чего сюда притащился, придурок? Тебе жить надоело? А если бы тебя кто-нибудь заметил? – яростно набросился хозяин неприглядного помещения.

– Я...я не думаю, что меня кто-то видел, – неуверенно ответил потенциальный покупатель.

– Да о чем ты вообще думаешь? – в этот раз Филипп выглядел совсем иначе, нежели в прошлый. Волосы его были чистыми, уложенными и завязанными в хвостик. Одет он был в брюки и рубашку, туннеля в ухе не было. – Ладно, что тебе нужно? Зачем пришел?

– Я хотел бы спросить, нет ли у Вас, или может Вы знаете, где можно достать или к кому обратиться...

– Да говори ты уже! – потребовал хозяин помещения.

– Мне нужно оружие, – пролепетал мальчишка.
– Что? Оружие? – рассмеявшись, удивился уличный торговец. – Какое еще на хрен оружие?! Я дурь толкаю, а не стволы!
– Но Егор сказал, что у Вас можно достать, что угодно, вот я и подумал...
– Егор сказал? Это он тебя отправил?
– Нет. Это я сам.
– Зачем тебе? Что ты уже там придумал?
– Да ничего, просто я живу один, и мне стало мерещиться, что за мной кто-то наблюдает. Да и так, мало ли кто может напасть.

– От хулиганов походи и купи себе травмат – более, чем достаточно. А если мерещится, перекрестись. Больше толка будет. Дураку оружие, знаешь ли, что обезьяне... Ладно, пойдём поговорим.

Пройдя прямо по темному, ничем не освещенному коридору, молодые люди вошли в небольшую комнату со скромным обустройством. Хозяин жестом предложил гостю сеть на деревянный стул, а сам устроился на кровати.

– Это Ваш дом? – начал Виктор.

– Давай на «ты» уже, а то уж больно официально. Да, я здесь живу в течение некоторого времени, но это не важно. Давай, рассказывай мне подробно, что у тебя там произошло, и не вздумай мне врать, – хозяин комнаты говорил уверенно и даже угрожающе. Глаза его были в норме, значит, он трезв и адекватен.

– Да нечего рассказывать толком. Уже ведь сказал, что для безопасности... – не успел Виктор закончить, как собеседник его перебил.

– Даю тебе еще одну попытку быть честным. Если еще раз соврешь, я убью тебя на месте или вышвырну на улицу. Я еще не решил, что именно я с тобой сделаю, но будь готов к обоим вариантам. Я видел тебя в субботу вечером, когда ты уходил от его притона. Я видел, в каком ты был состоянии и догадываюсь, что они с тобой сделали. До меня доходили слухи, чем эти зажавшиеся малолетние ублюдки там занимаются. Что, решил завалить их всех? И своего дружка Егора?

– Я...я не понимаю... – начал неуверенно оправдываться Виктор, и уже было решил соврать снова, как плюнул на осторожность и стал говорить честно и более уверенно. – Да! Я собираюсь перестрелять их всех. Я не думаю, что ты в полной мере знаешь, что они со мной сделали, – для эффекта юноша снял куртку и запрокинул майку, дабы продемонстрировать кровавые следы от плетки. – Они сделали со мной ужасную вещь. А девушку, которая вступилась за меня, бил какой-то громила, после ее утащили не пойми куда, и я не знаю, что с ней теперь.

– Они изнасиловали тебя, – тихо и грустно сказал Филипп, и это не был вопрос.

Молча, склонив голову, Виктор не стал отвечать на это, а лишь тяжело вздохнул, а, немного погодя, продолжил:

– Я им ничего... никому ничего плохого не сделал. За что? За что?! Что я мог сделать этому садисту Егору!? Я не понимаю! – незаметно для Виктора из его глаз предательски стекла слезинка, и он резко отвернулся в сторону. – Да и зачем я тебе признался – тоже не знаю! Ты же обычный торчок, барыга и, может, сегодня же пойдешь и сдашь меня Егору, – не на шутку разошелся Виктор, говоря на повышенных тонах, но, поняв, что ляпнул лишнего, он стал говорить спокойней. – Но мне уже все равно. Тебе меня никак не понять! Я схожу с ума, а, может, уже сошел и, если не прикончу его, то прикончу себя. Мне нечего терять. Я мертв уже с субботы, – с отчаянной улыбкой мальчишка закончил свою речь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.